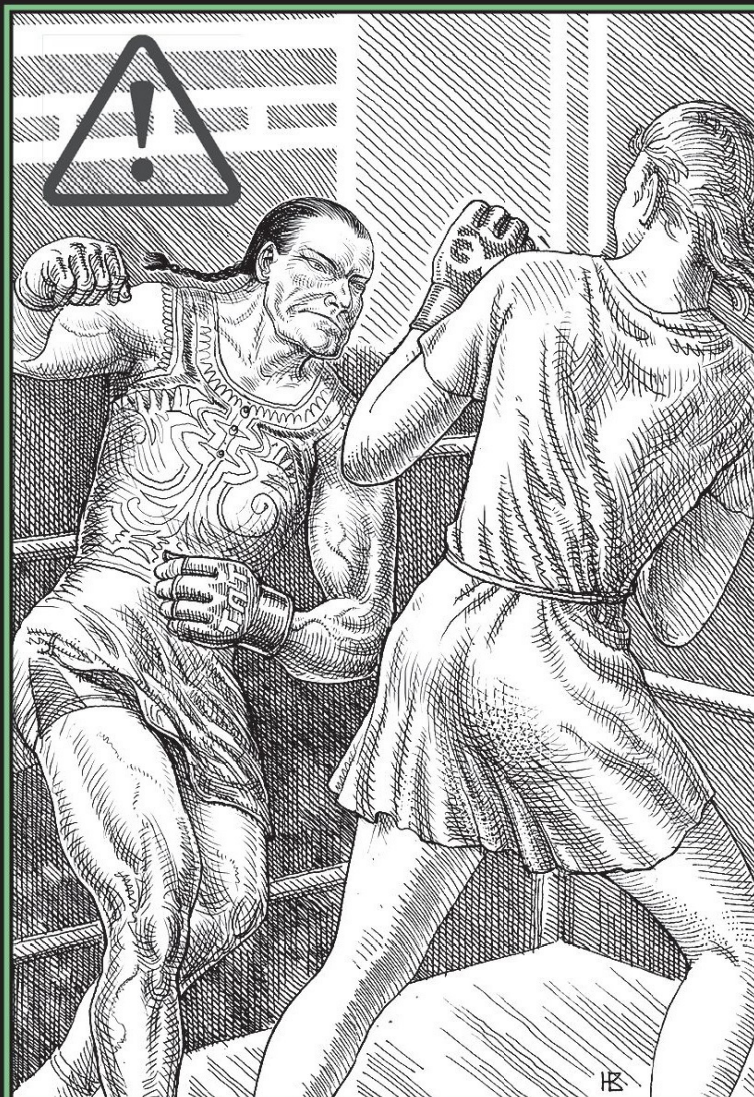

Ю. НЕРСЕСОВ,
Е. ПРУДНИКОВА, А. ЩЕРБАКОВ

УДАР СКОРПИОНОВ

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Елена Прудникова

Удар скорпионов

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)

Прудникова Е. А.

Удар скорпионов / Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ», 2026 — (Новая библиотека приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-5837-8

Третье кольцо князя императорской крови Божидача Караджеровича находит свою хозяйку. Капитан Небесного флота Воислав Гверо учится воевать на земле. Майор госбезопасности Будимир Сокол осваивается в большой политике. Последний солдат павшего президента Ариэль Ираклис продолжает мстить его убийцам. Тем временем в игру вступают фигуры подозрительно похожие на героев древнего пророчества. Исход чемпионата по вольным боям запускает механизм кровавого мятежа. Вчерашние однопольчане готовятся стрелять друг в друга, а недавние враги поневоле становятся в один строй. И особое место в этом строю отведено журналистам скандальной газеты «Рассвет».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5837-8

© Прудникова Е. А., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Пролог	6
Часть 1	12
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	32
Часть 2	43
Глава 4	44
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алексей Щербаков, Елена Прудникова, Юрий Нерсесов

Удар скорпионов

Серия «Новая библиотека приключений и научной фантастики»

Авторы благодарят Петра Баранова, Александра Евдокимова, Сергея Краюшкина, Сергея Ласточкина и Игоря Пыхалова за вычитку текста. Олега Баканача, Марину Басманову, Георгия Виноградова, Веру Камишу, Глеба Лаврентьева, Константина Линника, Анатолия Матвийчука, Кирилла Метелева, Светлану Русакову, Дмитрия Селезнёва и Ивана Сидельникова за консультации. И отдельно игумена Евстафия Жакова за благословение.

© Нерсесов Ю.А., Прудникова Е.А., Щербаков А.Ю., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Пролог

3213 и 3920 годы от Второго пришествия Экзеpra. Орлеания. Окрестности города Герэ. Монастырь Святого Гундия Истинной Экзепристской Церкви в изгнании

Последним, что помнил Иво из той, прошлой жизни, был отчаянный крик матери, страшный удар – и темнота. Когда он пришёл в себя, куда-то пропало всё, что было раньше. Не стало родителей, брата и сестры, их дома на окраине Майдигири. Возможно, уцелел белый кот, но никто не озаботился его судьбой. Первое время Иво надеялся, что кто-нибудь вернётся – хотя бы кот, но вернулась лишь темнота и уже никуда не уходила.

Восьмилетний ребёнок легко привыкает ко всему, но и легко забывает. Первыми ушли из памяти лица родных – дольше всех держалось мамино, но и оно забылось. Потом стала меркнуть память о деревьях, траве, цветах. Свет солнц ещё какое-то время пробивался, а затем исчез и он. Осталась темнота. Иво привык – да и что ему ещё оставалось?

Тем более в монастырском приюте ему жилось неплохо. Здесь тихо, много кошек и маленькая добрая собачонка, подьедавшаяся на кухне. Кошки были мягкие, с атласной шерсткой, а собака тёплая, жёсткая, но с гладким ласковым языком. Собачка любила валяться на солнце, если её окликнуть и пойти на лай, придёшь к теплу. Ещё где-то рядом жили мыши и птицы – он знал об этом из разговоров других детей, которые азартно рассказывали, как кошки ловят мышей, воробьёв и голубей, а с воронами дерутся за добычу.

Приютские ребятишки в трапезную братии не допускались, но сегодня для Иво тут нашлось дело. Пока же он стоял в уголке и слушал доносящееся с кафедры монотонное чтение жития Святого Гундия:

«...И объединил вокруг престола своего государь Дракан Могучий спутники Экзеpra Вендию и Невриду, да сверх того дальнюю Тогтарею. И настали в его царстве мир и процветание. Враги страшились грозного царского воинства, земля щедро делилась своими дарами, и народ благоденствовал. Даже у простого люда на столах не переводилось мясо, жёны крестьянские надевали на праздник платья, золотом и жемчугами расшитые, а на заборах не воробьи сиживали, но индюки откормленные целыми стаями...»

Мальчик тихонько рассмеялся. Однажды на кухне готовили индюков, он их трогал и знал, какие они толстые. Интересно, выдержит ли забор, если посадить на него индюшачью стаю?

«Каждый день радовался государь счастьем народному, но каждую ночь тьма окутывала сердце. Мнилось, ненадолго переживёт держава своего создателя, и терзалась душа государева сто ночей, и десять ночей, и ещё одну ночь, в которую явился к нему во сне Святой Гундий».

Как это – тьма окутывает сердце? Отец настоятель говорил как-то в проповеди о слепом сердце, но он-то говорил о людях злых и жестоких, а император был хорошим, и если казнил кого, так только врагов и предателей! Надо будет спросить учителя истории, настоятель почему-то отвечать на вопросы не любит... Размышляя, мальчик даже перестал слушать житие, которое, впрочем, и так знал наизусть.

«Государь спросил Святого Гундия: “Прочно ли встало царствие моё?” И ответил Святой Гундий: царство твоё, если считать от пращура твоего – великого Караджера, простоит тысячу лет, и сто лет, и десять лет, и ещё один год и один день. Трижды спасёт оно человечество, в Отца, Мать и Сына верующее. В первый раз от диких чёрнокожих орд, которые ты сокрушил, и стало это торжеством над Чёрной смертью. Затем от рушащих троны еретиков и возрождающих фальшивые подобию монарших престолов тиранов, и будет то победой над Красной смертью. Потом рухнет держава под ударами слуг Тарантоса, а правление их продлится сто лет, и десять лет, и ещё один год и один день. И придёт в мир Золотая смерть, которая окажется

страшнее Чёрной и Красной. Но слепой сирота, смиренный пастух ангельского вида и древнего пастырского рода укротит чудище ужасное, прозреет и возложит корону на голову нового государя – спасителя люда праведного и посрамителя сил адских...»

Составители монастырских уставов мудры и не зря заповедовали ставить в трапезных такие узкие и жёсткие скамьи без спинок. На них невозможно развалиться, вытянув ноги. Вот и вынуждена измученная трудовым послушанием и молебнами братия сидеть прямо, вкушать быстро и слушать священные предания внимательно. Даже если выучили их ещё в отрочестве, и от очередного повторения надоевших до ломоты в зубах строк клонит в сон. Впрочем, давным-давно, когда сидящий во главе стола старик и его сверстники были ещё даже не монахами, а послушниками, они и на таких скамейках ухитрялись дремать с открытыми глазами.

«Слово о пророчестве Святого Гундия» глава Истинной Экзепристской Церкви в изгнании первосвященник Амфитрохис выучил ещё в юности. Но коли уж посетил обитель, чтобы поздравить с именинами настоятеля отца Пантазиоса, и разделяешь с братией трапезу, приходится внимать.

От скуки владыка принялся разглядывать огромное мозаичное панно, начищенное явно к его приезду. Сверху, как и положено, Божественная Троица: Отец, Мать и их сын Экзепр, убитый в своём человеческом воплощении по наущению младшего брата, завистливого Тарантоса, жестоким мельником-альрамеем. Злодей с приспешниками скинул Экзепру на голову жернов, разгневанные родители решили уничтожить человечество, но сын заступился. Он указал, что люди невинны, их легко соблазнить, поскольку им не дан нравственный закон. Таковой получен во время Второго пришествия, и на суде после Третьего пришествия Бога-Сына ни один грешник не уйдёт от наказания.

Убитый и воскресший Бог в Первое пришествие научил людей добывать огонь и растить хлеб, потому держит в правой длани факел и колос. Он же указал им путь в небо, и в знак того по левую руку Экзепра стоит священный четырёхкрылый синий горный пеликан, за которым полетели первые небесные плоты.

В самом низу распростёрся проклятый и низвергнутый с небес под землю Тарантос. Его окружают сотворённые злодеем черти и прочие порождения мрака: змеи, ящерицы, жабы, сороконожки и, конечно, самые верные подручные – пауки.

Середину панно занимают наиболее почитаемые святые. Гундий, истекающий кровью под топорами разбойников и по великому милосердию простивший их. Караджер, заложивший основы империи и принявший экзепризм в качестве государственной веры. Сокрушитель свирепых джалнутов Дракан Могучий. Эшлий в белом капюшоне с прорезями для глаз, который после гибели в бою со слугами Тарантоса волею Троицы обрёл вечную жизнь и до сих пор странствует по миру, вознаграждая праведных и карая грешных. Рядом верная подруга и тоже вечная странница Мелания, в таком же капюшоне... Сейчас в них выходят на дело чтущие святых супругов люди Арклана и других пиратских предводителей из потомков вендской эмиграции. И, поскольку сии разбойники благочестивы и щедро жертвуют на нужды Церкви, грехи им простятся.

Раньше Эшлий предпочитал карать двуручным мечом и длинным копьём, однако во второй жизни он гнушается пролитием крови и предпочитает иное оружие. Доблестный витязь творит чудеса булавой в виде Священного Жернова на массивной рукояти. Точно такого же, что украшает купола храмов Истинной Церкви по всему миру. Даже на захваченной безбожниками Вендии, где некоторые недостойные иерархи покорились бесовской власти и кощунственно провозгласили Церковью себя. Взглянув вверх, каждый может увидеть дивное кольцо вокруг планеты Экзепр – оно вознёсшийся в небо Священный Жернов и есть.

Некоторые маловеры-историки пытаются доказать, что в настоящем бою подобное оружие почти бесполезно, но что может противиться воле небес? И уже который век злодейские

головы разлетаются вдребезги, попавшие в дырку божественной булавы мечи ломаются, а церковные каноны предписывают изображать Эшлия исключительно с таковой. Её и держит мозаичный святой в могучей руке, сурово взирая на трапезничающих.

Мелания стоит рядом с мужем без своего любимого арбалета. Сказание о грабителе, который ворвался в дом праведницы и получил от неё стрелу в живот, Церковь к еретическим не относит, однако картины о том писать не благословляет. Не годится женщине размахивать оружием, противоестественно уподобляясь мужчине. Так вот посмотрит какая-нибудь девица на Меланию и пойдёт в тир стрелять, или, ещё хуже, докатится до богомерзких драк на потеху падкой до полуголых телес развратной черни... Тьфу!

Размышления предстоятеля прервала рука, опустившаяся ему на плечо. Старец сердито обернулся, но гнев мгновенно рассеялся – стоящий за спиной мальчик в приютском костюме смотрел прямо перед собой широко раскрытыми белёсыми глазами. Ощупью он нашёл ладонь пастыря и вложил в нее тоненькую книжечку из стопки, которую раздавал присутствующим – послеобеденный молебен на сегодняшний день. Затем ощупью же пошёл дальше.

Первосвященник наклонился к сидящему по правую руку:

– Это тот самый?

– Да, Ваше Благолепие, – почтительно кивнул упитанный и суетливый настоятель обители Святого Гундия Пантазиос. И прикрыв рот рукой, зашептал: – Позволю напомнить, его отец, пастырь-миссионер на Джамхире, насчитывает в родословной девятнадцать поколений священнослужителей. Семья погибла во время эвакуации из Майдигири, все, кроме него – родители, старший брат, старшая сестра... Джалнуты расстреляли портовый катер из пушек – спасли одного Иво, но за два года мальчик ослеп. В Лютеции есть интернат для таких, но если он действительно тот самый, то должен оставаться под нашим присмотром. Тем более коли суждено ему стать пастухом – то не на мостовых же столицы коров пасти!

Амфитрохис ещё раз взглянул на ребёнка. Огромные глаза с длинными пушистыми ресницами, за которые продала бы душу самая набожная монашка, золотые волосы, тонкое личико... Если бы не страшные бельма – ну сущий ангелочек! Неужели пророчество сбывается? Непонятно, правда, кого он должен укротить? В исследованной вдоль и поперёк Орлеании монстров не водится, однако Богам подвластно всё...

– Пусть растёт у вас, брат мой, – тихо сказал владыка. – Только о пророчестве отныне помалкивайте. И читать о нём, пожалуй, тут больше не надо. Мало ли какие мысли и в чью голову заберутся...

Семь лет спустя

Настоятель Пантазиос не любил бизнесменов. Не из-за их претензий вершить судьбы человечества – кому же ещё править планетами, погрязшими во зле? Одним лишь великим грешникам, продавшим откровение Экзеpra за мирское владычество! Но как они обращаются с духовным лицом! Обидное место на дальнем конце стола, утомительное многочасовое высиживание в приёмных, вежливое хамство лощёных секретарей...

Чтобы не забывал: ты всего лишь жалкий докучливый человечешка, отягощённый вечно нуждающейся братией и парой жаждущих замужества, но ничуть не привлекательных для женихов неимущих племянниц. Такого только и унижать безнаказанно за грошовые подачки. Например, предложить освятить сеть кабаков в стиле «венд экзотик» с борделями, в которых посетителям предлагались мерзкие распутные девицы и ещё более отвратительные юнцы.

Согласился – куда деваться, но пока освящал, в голову поневоле лезли нехорошие мысли. Например, о занимающихся огнём стенах в тех местах, где их касалась освященная вода. Или о молнии, ударяющей в богомерзкое здание при произнесении финального: «Да благословят вас Отец, Мать и Экзеpr!» Оставалось надеяться, что кого-то в этих стенах всё же коснётся благодать.

Впрочем, носатого, слегка лопухого человека, с пронизательным взглядом и постоянно скептическим выражением на длинном лице, Пантасиос всегда считал исключением – если не по роду занятий, то по воспитанию уж точно. Казалось бы: что представителю одного из самых влиятельных альрамейских кланов дела Истинной Церкви? Однако бывший посол Кандианы в Джамхире, владелец нескольких банков и президент фонда имени себя Натаниэль Оназис появлялся в монастыре исключительно в сопровождении главы Истинной Церкви в изгнании Первосвященника Амфитрохиса и ни разу не позволил себе ни малейшей непристойности. Не то что та скотина – хозяин сети псевдовендских кабаков! Вломился в кабинет настоятеля, не дожидаясь его самого, влез в бар, открыл бутылку и грузно плюхнулся в любимое кресло. А когда тот, войдя, остолбенел от такого нахальства, гостеприимно гаркнул: «Панти, присоединяйтесь!»

Знаменитый финансист ждал священников со службы в приёмной, поприветствовал по отдельности с должными титулами, в дверь кабинета пропустил первыми, а к столу сел последним. Через несколько минут любезнейший господин, смакующий старое жарнажское и с восхищением отозвавшийся о звучании монастырского органа, начнёт давать указания, которые придётся исполнять, но всегда приятнее вот так, с почтением к летам и сану!

– Все эти годы Вы, наверное, удивлялись моему интересу к мальчику, владыка? – обратился к Первосвященнику Оназис и, указывая на толстый том посередине самой верхней, пятой полки книжного шкафа, продолжил: – Если, конечно, не нашли время ознакомиться с «Финалом великой игры»...

Амфитрохис если и открывал светские книги, то какие-нибудь лёгкие романы, тщательно скрывая невинный грешок от братии. Однако сейчас он утвердительно склонил голову, похвалив себя за предусмотрительность. В многословные рассуждения о судьбах человечества, написанные дядюшкой и наставником повелителя денежных потоков хитроумным Белацелем, старик даже не заглядывал. Зато ещё год назад дал указание секретарю подготовить краткий конспект, и теперь вполне мог поддержать разговор.

– Ничуть не удивлялся, досточтимый Натаниэль! В четвёртой главе упомянуто пророчество Святого Гундия, и явно не зря...

– И ему пора сбыться! – подхватил собеседник. – В тот самый день, когда дядюшка читал мне эту главу, я узнал от Вас о слепом ребёнке! Могло ли такое совпадение оказаться случайным?! Нет ли в нём указания на то, что пророчеству Святого суждено осуществиться в наши дни?!

– Волею Отца, Матери и Экзепра, – снова кивнул Первосвященник, поглаживая бороду. Длинная, густая и седая, она придавала владельцу сходство с древними пророками, и Амфитрохис иной раз думал, что на иконе он бы смотрелся чрезвычайно внушительно. А как не канонизировать владыку, при котором на престоле снова окажется праведный государь? После чего Церковь в изгнании воссоединится с единоверцами, которые сейчас изнывают под гнётом безбожной власти, и кто её возглавит – очевидно!

– Да, конечно, – согласился финансист и, тонко улыбнувшись, продолжил: – но Божественный промысел осуществляется руками людей. Помните притчу о поселянине, который, попав в наводнение, сидел на крыше своего дома и молился, чтобы Боги ему помогли? Мимо проплывали соседи на лодке, но праведник к ним не сел, уповая на помощь с небес, и продолжал молиться, пока дом не рухнул. Тогда он, утопая, закричал: «Почему меня не спасают?» И раздался голос из-за туч: «А кто тебе, скудоумному, лодку посылал?!»

Собеседники вежливо улыбнулись, и Оназис уже серьёзно продолжил:

– Притчи пишутся не только для того, чтобы их читать на службах, но прежде всего, чтобы ими руководствоваться. Юноше уже почти шестнадцать лет – настало время позаботиться об исполнении пророчества. Вендские монархи не раз спасали цивилизованное чело-

вечество от варварства и тирании – от уммаханских орд до безумца Шендорфера! Не помочь их наследникам вернуть престол было бы с нашей стороны чудовищной неблагодарностью!

Грядущее устройство мира сего, описанное в последней главе «Финала великой игры», принципиально отрицало любые империи, включая Вендскую, но Амфитрохис вступать в теоретические дискуссии не собирался. Не говорить же правду: человек, возомнивший себя вершителем миллионов судеб, решил двинуть на игровой доске очередную фигуру. Воссоздание же монархии в Светлоградово для него лишь промежуточный ход к истинной цели.

Впрочем, пусть себе тешится. Найдут Боги нужным – поправят игру. Если же нет... Монарх, который воцарится на обломках богопротивного Народного Союза, может оказаться таким же ничтожеством, как Сретан III, и добить страну окончательно? Запросто, но что из того? Падение земных царств и страдания их обитателей ничто перед обретением царствия небесного. Большинство отцов Церкви издревле полагало, что незадолго до Третьего пришествия все государства мира будут завоёваны слугами Тарантоса, и противиться этому бесполезно. Коли вендская держава погибнет первой среди прочих и вендов истребят – ничего страшного. Значит, они первыми и достигнут райских врат. Церкви же и обители Святого Гундия хуже от усилий Оназиса и ему подобных не станет в любом случае.

– Прозреть с его диагнозом в наши дни вполне возможно, – осторожно сказал владыка. – Но это должно произойти вовремя, когда будут готовы все обстоятельства...

– Вы смотрите в самую суть, – согласился Натаниэль, потирая руки, словно предвкушая очередную выгодную сделку. – Прозреть надо быстро и вовремя, а вот о чудовище следует позаботиться заранее. В Орлеании их нет: то ли вымерли, то ли не было никогда...

Банкир позвонил в стоящий на столе колокольчик, и в кабинет вошёл один из сопровождающих, с большой и явно тяжёлой корзиной. Телохранитель поставил её на пол, открыл и с видимым облегчением отступил в сторону. Настоятель заглянул, отшатнулся и омахнул лицо знаком Жернова:

– Бес!

На дне корзинки, уютно свернувшись клубочком, спал щенок – серый, лохматый, уши лопушками. Вот только мордочка напоминала крокодилю, её обвивал длинный гибкий хвост, а каждая нога заканчивалась шестью ясно различимыми копытцами.

– Ну, зачем сразу – бес... – укоризненно произнёс гость. – Это такая же Божья тварь, как и наши псы с кошками, просто привезена издалека. При правильном воспитании из неё получится замечательная пастушья собака. Примеры тому есть, и результаты прекрасные.

Щенок, услышав голоса, открыл бархатные карие глаза и зевнул, раскрыв пастишку почти до вертикальной линии. Блеснули сахарные клычки.

Пантазиос поёжился:

– Сколько ему?

– Два месяца.

Настоятель прикинул размеры зверёныша, тянущего на взрослую лайку, и поёжился ещё раз.

– Каков же он станет?

Оназис усмехнулся и почесал доверчиво тянущуюся к нему голову за ушком.

– Когда малыш вырастет, никто в его чудовищности не усомнится. Но, повторяю: при правильном воспитании пёс не страшнее пастушьей овчарки. Обычные большие собаки тоже могут загрызть человека, но верно служат нам уже многие тысячи лет. У вас в окрестных деревнях есть пустующие дома?

– Найдём... Народу уехало много... – В отличие от трусоватого Пантазиоса первосвященник собак любил, а потому рискнул осторожно дотронуться до его шеи. Щенок поощряюще заурчал. – Славный какой!

– Лучше какой-нибудь старый, на отшибе, – продолжил указания альрамей. – Там поселится один охотник – он венд, пожилой, хромой и не привлечёт внимания. Где сейчас мальчик?

– Мы выпускаем воспитанников приюта в пятнадцать лет. Сейчас он живёт в Жарнаже у священника, прислуживает в церкви и, согласно вашему указанию, ходит за коровами и овцами деревенских жителей в качестве помощника пастуха. Дорогу знает, но самому следить за стадом...

– Следить за стадом будет наше чудище, – разъяснял Натаниэль и снова погладил млеющую животинку. – Вы даже не представляете, что это за умница!

Часть 1

3923 год от Второго пришествия Экзепра

Глава 1

Столица Орлеании город Лютеция

«Шмяк!» – диванная подушка пролетела в опасной близости от люстры и врезалась в стену. Осиротевший диван печально смотрел ей вслед. Потревоженные хрустальные висюльки на люстре боязливо звякнули.

«Шшисс!» – последовавший за подушкой букет прошёл по более низкой траектории, щедро осыпав многострадальный диван лепестками и оросив каплями воды.

Сама ваза осталась на месте. Ранее муж и особенно свёкор сумели объяснить МиLINE Караджерович (в девичестве Кралич), что не намерены бесконечно пополнять запасы фарфора. И если она не оставит привычку кидаться в стены быющими предметами, подобно страдающим красавицам из романов, есть придется с простых тарелок, а цветы ставить в стеклянные банки. Да и отметины на стенах будут замазываться исключительно из её карманных денег. Романтические героини со столь возмутительным семейным деспотизмом не сталкивались, но жизнь сурова – пришлось ограничиться совсем маленькими погромчиками, последствия которых слуги могли легко убрать.

Свёкор, то есть князь Божидар, только что покинул гостиную, объяснив, что развода не будет. Нет, разумеется, в свободной демократической стране никто не может заставить женщину жить с опостылевшим супругом, более того, ей даже полагается содержание... Но вот с размером этого содержания неизбежны проблемы. Любомир Караджерович, хотя и разменял шестой десяток, денег имел очень немного, как, впрочем, и оба его младших брата. Все семейные капиталы находились в руках отца, а он содержать бывшую невестку не собирался. И никакой суд здесь не поможет.

– Если муж не устраивает, заведи любовника, – холодно обронил Божидар. – Возьми секретаря, в конце концов! Да хоть двух секретарей и трёх лакеев впридачу, если сил хватит! Любо не против. Но в случае развода пойдёшь в посудомойки, потому что делать ничего не умеешь, а для публичного дома старовата. Конечно, кое-где сорокалетних берут, но исключительно с большим профессиональным опытом.

– Я уйду к папе с мамой! – со слезами взвизгнула Милина в безукоризненно прямую, несмотря на возраст, спину свёкра.

Ответа не последовало. Будучи небогатым, но плодовитым, семейство потомков фрейлины последней вендской императрицы успешно торговало красотой и древностью рода своих дочерей. Конечно, разведёнку оно назад примет, выделит ей комнату и не откажет в миске супа, но разве того хотелось страдальце? Красивый актёр, с которым она собиралась кутить на деньги, полученные при разводе, пока что готов к услугам, но если денег не будет?! При всей своей взбалмошности, Милина была слишком опытна, чтобы поверить в чистую и бескорыстную любовь к своей не сильно свежей персоне.

Младшая сестра сидела на козетке в дальнем углу, задумчиво наблюдала истерику старшей и думала, что ей чрезвычайно повезло. Князь Любомир поначалу приударял как раз за ней, но Дайрен Ле Гуа оказался моложе, обаятельнее и – что особо важно в глазах родителей – многократно богаче! Карина Кралич элегантно и ненавязчиво влюбила его в себя, постепенно увлеклась сама и уже семнадцать лет была абсолютно счастлива.

В отличие от обеих сестриц нрав она имела ровный и весёлый, да и домом и тремя детьми занималась с охотой. Владелец одного из крупнейших военных концернов Либерталии с радостью обнаружил, что молодая жена хороша не только в постели, но и на светском приёме, и даже на модной литературной вечеринке. Семейное гнездо, опустевшее после смерти родителей и старшего брата, с приходом новой хозяйки тоже ожило и стало даже уютнее, чем прежде.

Когда Любомир понял, что невеста от него ускользает, он переключился на Милину. Сестричка аж пищала от восторга и хвасталась, что отбила жениха у сопливой задаваки. Теперь же, по мнению Карин, она просто бесилась с жиру. Актёришка, видите ли, возжелал не только любви, но и законного брака! Иначе говоря, комфортной жизни за счёт пассивности.

И тут внезапно на пути женщины встала стена. Любомир и сам давно мечтал избавиться от опостылевшей супруги – благо последняя подружка оказалась куда моложе и покладистей – однако отец уперся насмерть. Гуляйте, дети, с кем хотите, но никаких разводов! От них страдает честь семьи!

Слышать такое от старика было странно. Дамы Любомира и рога, наставленные ему жёнушкой, регулярно всплывали в светской хронике. Да и сам-то папочка, да продлят Боги его жизнь, женат трижды, причём нынешняя на восемь лет младше Милины!

Внезапная мысль ударила Карин в голову, подобно молнии. Семейные разговоры за столом, фонд Божидара, с которым он носился в последнее время, просьба зятя прочистить мозги сбрендившей бабе... Вот сейчас и прочистим!

Госпожа Ле Гуа соскочила с козетки и решительно потянула сестру за рукав.

– Пойдём, поговорим!

Женщины вышли в сад – там, среди клумб, их было не подслушать. Горничная, нарочито неторопливо протиравшая пыль в смежной комнате, со вздохом посмотрела им вслед и заработала тряпкой быстрее. Медлить теперь не имело смысла.

– Слушай, Милка, а ведь дед начал странно себя вести с тех пор, как открыл свою контору в Вендии, так?

– Не знаю...

– Да что ты знаешь, кроме тряпок и своих хахалей, дура набитая!

– А Сретану его фонд зарезали...

– Вроде да, – проворчала старшая сестра, счищая с лица потёки туши. – И чего?

– В Вендии творятся странные дела, – задумчиво продолжила младшая. – Очень странные. Я ездила туда полтора года назад, и меня едва не затоптали во время беспорядков. Страна бурлит, как кипящий суп...

– Ты о чём? – удивлённо захлопала глазами Милина. И Карин как в воду прыгнула.

– Согласно закону о престолонаследии, император Вендии может быть разведённым лишь в одном случае: если жена бесплодна или родила друг за другом четырёх девочек. Вот смотри: у Сретана три дочери, и шансы, что он сможет получить сына, ничтожны – третьи роды у Виты прошли тяжело и, сколько я знаю, врачи ей продолжать запретили. Божидар с первой женой развёлся как раз из-за её бесплодия. Вторая умерла тринадцать лет назад, успев родить двоих. Один из них иметь детей не способен, зато от второго, то есть Любомира, у тебя сын... понимаешь?

– Ты думаешь... Старый жмот решил посадить сыночка на трон и поэтому гробит мою жизнь?

– Ну, коли стать императрицей означает угробить жизнь... – усмехнулась Карин и потому, как застыла в ошеломлении сестра, поняла: попала! – Вот твоему женишку... ему да, придётся грустно. Это же он тебя подзуживает насчёт развода? Так скажи ему, что денег не получит – заодно и чувства проверишь. Или и вправду, как старик советовал, возьми секретаря.

Встреча экспедиции с Радуги обещала собрать куда более изысканное общество, чем даже коронация императора Хинтерланда. Императоры в столетие трижды-четырежды коронуются, а на загадочную планету чаще, чем пару раз, за то же время слетать невозможно. Натаниэль Оназис светских сборищ не любил, но с детства был любопытен и посчитал, что такое событие достойно его присутствия. Заодно и некоторые дела порешать можно.

В Лютецию он приехал за два дня до предполагаемого открытия волчка с Радуги и для начала отправился на торжественное награждение лауреатов литературного конкурса. Награды

вручал фонд самого Оназиса, и распорядители, зная о визите босса, бесцеремонно отложили открытие пира духа на восемь дней. Пусть строкогоны потомятся – вожденная награда лишь слаще будет. Ну а журналюг помуржить, чтобы угадывали в своих листках имя счастливого – сам Экзепп велел.

Мойзес Ламвракис из скандальной Peple Odservie муржиться отказался. Имя победителя он знал заранее. Два года назад фантаст Гельмидоэль Дефлоракис прославился бестселлером «В чужом теле» и теперь получил первую премию за его продолжение – роман «Больше, чем люди». И, пока автора славословили со сцены, а потом подобострастно выясняли: почему он такой гениальный, Мойзи проглядывал по диагонали последние страницы шедевра. На случай, если всё же понадобится задать умный вопрос.

Особых сюжетных изысков в творении обнаружить не удалось. Санди, героиня первой книги, ставшая гермафродитом, родила от своих партнёров – собственного отца и любимого учителя. Троица родителей честно выращивала уродливую больную девочку, ставшую через пятнадцать лет уродливым смертельно больным мальчиком. Подобное случалось не только у них: рождаемость упала до опасного предела. От странных родителей в ещё более странных семьях появлялось на свет совсем уже причудливое и нежизнеспособное потомство.

Вскоре мать уродца тяжело заболела. Медицина оказалась бессильна, но одному из двух папаш удалось выиграть в лотерею миллион лиардов. За эти деньги больную заморозили, чтобы она оттаяла в светлом будущем, когда лекарство от её болезни будет найдено. По капризу судьбы его нашло дитя замороженной, но собственную жизнь оно продлить так и не сумело.

Воскресли Санди через триста лет, в дивном новом мире. Детей там выращивали вне организма матери, и они получались здоровыми и красивыми. Люди, свободные от волнений и забот о будущем рода, смогли все силы, оставшиеся от нетрудной работы на благо общества, отдать себе любимым. Как по волшебству, в мире наступило полное изобилие, исчезли преступления и прекратились войны. Прогресс и отказ от докучливого деторождения решили все проблемы. «Больше, чем люди» получили массу свободного времени, предаваясь наукам, искусствам и наслаждениям.

Ближе к финалу человечество окончательно победило смерть, и люди стали свободны от собственных тел, меняя их, как вздумается. Одни вживляли свой мозг в животных, а потом, вернувшись к обычному облику, осмысливали новый опыт. Другие встраивали его в небесные корабли и улетали в глубины Вселенной. Третьи медитировали в уединённых местах, пытаясь установить связь с существами высшего порядка, обитающими в межпланетном пространстве...

Пресс-конференция, наконец, завершилась. Мойзи задумчиво взвешивал на ладони томик Дефлоракиса – журналистам их раздавали бесплатно – и наблюдал толпу, клубящуюся вокруг фантаста. Тощее существо неопределённого пола в жёлтом пиджаке, зелёных штанах и с разноцветными прядями на голове едва успевало раздавать автографы. Получить самому, что ли? Неизвестно, сколько в недалёком будущем будет стоить на аукционе закорючка этого чучела...

Корыстные размышления Ламвракиса прервал знакомый сотрудник Фонда. Склонившись к уху, понизил голос:

– С тобой хотят поговорить.

И, уже в коридоре, ещё тише прошептал:

– Такой шанс выпадает раз в жизни...

Умный понимает с полуслова, и журналист не слишком удивился, увидев, кто именно приветливо улыбается ему из кресла в маленьком уютном кабинете.

– Чай, кофе, вино? – спросил радушный хозяин.

– Пинару, если можно.

Крепкая настойка из фиников Олимбиса с десятью специями особо уважалась религиозными альрамеями, помнившими об утерянной в ледяном небе родине. Значит, выбор гостя должен непременно польстить тому, кто его принимает. Хотя он человек совершенно светский, ходят слухи, что в вере весьма твёрд. Да и дорогие сорта пинары сами по себе хороши!

Натаниэль кивнул сотруднику, тот открыл бар и, налив две рюмки густой коричневой жидкости, удалился.

– Как вам наш лауреат?

Мойзи как раз смаковал пряно-горькую сладость напитка и прерывать процесс не собирався. Он лишь красноречиво закатил глаза и возвёл руки к небу.

– Если бы я попросил сделать книге рекламу?

– Легко! – кивнул журналист. – Лучше всего устроить дискуссию. Один рецензент напишет, что проклятое альрамейское племя продало души Тарантосу и растлевают честных экзепристов. Второй назовёт первого замшелым пнём, а книгу гимном истинной свободе. Потом ещё несколько статей, драка между критиками, звезда подиума в образе Санди, психованные школьницы, подражающие ей... Я тоже отпишусь...

– Как именно?

– О том, что смысл романа – мечта автора трахаться без боязни, что партнёрша забеременеет, остальное – трепотня. У него тут явно что-то глубоко личное. Поскольку это... героино... в первой книге родило, налицо проблемы от залёта девчонки или нереализованные комплексы. Возможно, Гельмидоэль бесплоден, и нормальные семьи ему неприятны. Прочтя мой заголовок «Члены и дырки грядущего», книжонку купят все прыщавые подростки и старые импотенты Орлеании.

– Почему именно прыщавые? – поинтересовался Оназис.

– Потому что, когда прыщи пройдут, они станут интересны для одноклассниц. А это чтиво для тех, кому никто не даёт. Такую рецензию я напишу бесплатно, то есть за гонорар от издания. Любая другая – за деньги заказчика.

Миллиардер расхохотался. Подлинного смысла книги мальчик пока не понимает, но сейчас это и не нужно. Зато схватывает всё на лету, а его бойкое перо Натаниэль приметил уже давно.

– Отлично! Считайте, что вы в деле. Кстати, а как поживает ваша очаровательная подружка? Она очень похожа на девушку, которая брала скандальное интервью на кладбище у наследника вендского престола...

От неожиданности Мойзи едва не поперхнулся пинарой, но всё же сообразил: будь Оназис действительно недоволен, с ним бы разговаривали не здесь и не так.

– Это когда его величество признался в попытке убить вендского диктатора? – нарочито небрежно уточнил он. – Возьми Сесиль такое интервью, я бы знал – она жуткая хвастунья и выпендрёжница.

– А ведь похожа... Видите ли, та провокация разрушила планы уважаемых людей, и у них могут возникнуть вопросы к её авторам.

– Так пусть к авторам и обращаются. Точнее, к заказчикам. В таких делах журналисты лишь исполнители, получающие задание от редактора. Ну или – как, скорее всего, и произошло в том случае – через цепочку посредников. Впрочем, если уважаемые люди – идиоты, они могут похитить ту девицу, пытать её, а когда она им всё равно ничего не расскажет, потому что не знает, свернуть шею. И потом читать заголовки типа «Наследник вендского престола – террорист и убийца».

Естественно, Оназис и не думал ни о чём подобном. Мстить журнашлюшкам, да ещё и через год с лишним после выхода статьи – удел тупых бандитов, которые кончают на каторге или на виселице. Его интересовала реакция гостя.

– Ну а получи вы предложение заняться восстановлением его доброго имени?

Мойзес взял бутылку, налил себе ещё пинары, с удовольствием выпил и внимательно посмотрел в глаза Натаниэлю. Не как репортёр финансовому королю, а как альрамей альрамею.

– Его доброму имени нанесён урон? Когда люди узнали, что такой млявый пончик смолоду хотя бы пытался прорваться на трон с оружием в руках – разве это урон? Как по мне, так наоборот – реклама. Вы получили шикарный козырь для будущей игры, да ещё и бесплатно! Выдрессируйте Сретана, чтобы он научился держать выправку и вскидывать голову, и пусть говорит: «Я горжусь нашими героями и скорблю, что не вступил в бой вместе с ними!»

– Довольно, довольно! – Натаниэль уже почти плакал от смеха. Сретана он планировал использовать иным образом, но мысль оценил. – Не выдавайте зараз все идеи из своей умной головы, оставьте хоть немножко на потом. Послезавтра я жду вас с бизнес-планом по рекламе книги, а дальше – посмотрим. Успеете за два дня? Насколько мне известно, вы, кроме Perle Odservie, занимаетесь продвижением женского финала вольных боёв в спортклубе «Сполох»?

– От вас ничего не скроешь... – одной гримасой Мойзи одновременно ухитрился изобразить преклонение перед осведомлённостью собеседника, насмешку над этим преклонением и осознание крутости собственной персоны, которая у всех нарасхват. – Там сейчас работы немного, и я успел бы. Однако сегодня вечером приходит экспедиция с Радуги. Извините, но... В истории человечества есть моменты, которые нельзя пропустить ни за какие деньги.

Финансист понимающе кивнул – примитивные деляги никогда не достигнут истинных высот. Да он и сам с нетерпением ждал возвращения «Батиллуса» и «Эдны».

– Время терпит. Пусть сперва отпишутся по сегодняшней пресс-конференции, а вас жду через ладонь. В два часа дня.

Проводив взглядом уходящего журналиста, он мысленно поаплодировал себе. Человек, который устроил провокацию против Сретана, предложил, как вывернуть её наизнанку, и придумал разыграть в финале женского чемпионата битву красавицы и чудовища – должен работать на Оназисов.

– Ты уверена, что это не опасно? – увидев фото той, с кем придётся драться обожаемой дочери, Малета Бранчковска не находила себе места. – На неё же смотреть страшно!

Аньела томно вздохнула. Два года назад, услышав в очередной раз озабоченное материнское кудахтанье, она бы уже шипела, словно кипящий чайник, но переходный возраст, наконец, закончился. Да и старший брат рядом стоит – ему мамочку и успокаивать! Рослый белокурый красавец нежно обнял Малету.

– Мамуля, нам не веришь – ладно! Но тебе же всё объяснил бан Прежилын, который в «Сполохе» самый главный. И тренер бан Ковасевич! Это спектакль, где всё понарошку будет! Ты же, когда кино смотришь, не боишься актёров, которые разбойников играют? И вообще: Аньелка на пути к финальному бою уже трижды побеждала, и ни одного серьёзного синяка. Почему сейчас всё должно случиться иначе? К тому же я, как правая рука начальника охраны «Сполоха», знаю... Впрочем, это служебная тайна...

– Но не от меня! – глаза у бани Бранчковски загорелись. – Что там у вас? Давор, говори уже, раз начал! Я никому не проболтаюсь!

Сын улыбнулся про себя. Нет лучше способа успокоить маму, чем отвлечь её свежей сплетней.

– У соперницы Аньелы... – в комнате, кроме них троих, никого не было, но Давор демонстративно огляделся, приложил палец к губам и перешёл на заговорщический шёпот, – ...есть возлюбленный. Да, такая страшила смогла подцепить парня. Потому что тот... слепой!

Насладившись изумлёнными лицами матери и сестры, Давор продолжал:

– И она зарабатывает деньги на его лечение. Операция дорогая, но после поединка как раз хватит. Так что девка сама заинтересована, чтобы всё прошло, как надо. Иначе ничего не получит!

Сентиментальная Малета шмыгнула носом. Такого она ни в одной из переполнявших шкаф книг про любовь не встречала! Дочь, наоборот, злорадно захихикала, потом посмотрела на недоумевающих родственников и расхохоталась во весь голос.

– Ка-а-ак-кая дура-а! Да она каждый день молиться должна, чтобы парень не прозрел. Иначе увидит такую рожу, и сразу пятки засверкают!

Любителей вольных боёв не удивляло, что крупнейший клуб единоборств Лютеции принадлежит хонорцам. Их в Орлеании много: каждый двадцатый – выходец из Хонора, а в Лютеции едва ли не каждый десятый. Добавить тех, в чьих жилах течёт хоть немного банской крови, так ещё больше выйдет. Понемногу прилетали постоянно, а после разгрома очередного восстания побитые с семьями валом валили. Остров Гвареньон заселён ими почти полностью. На скале, рядом с побережьем, высится гигантская статуя Хлодомара Освободителя – бастарда орлеанского короля, который почти четыре года правил Хонором, временно восстановив его независимость. И, конечно, повсюду развеваются бело-красные флаги, регулярно вызывающие ноты протеста посольства Народного Союза.

Точно такой же флаг, но со сдвоенной белой молнией на красном поле, полощется над клубом «Сполох». Его хозяин, торговый магнат Тышкан Прежилън – один из вожаков единомысленного союза борцов за свободу угнетённой родины. Всем известно, что вендские оккупанты украли одну из молний, перекрасили в красный цвет и воровски используют в своей поганой символике. Недалёк тот час, когда они ответят и за это, но сейчас главное – грядущий женский поединок на открытом чемпионате Орлеании. И тут решающее слово за баном Марином Ковасевичем, который, вообще-то, на политику плевать хотел и даже от паспорта Народного Союза не отказался.

Выиграв пять чемпионатов мира по боксу в тяжёлом весе, тогда ещё товарищ Ковасевич завершил спортивную карьеру и задумался о будущем. Жить ему хотелось хорошо, жене и четверым детям – ещё лучше, и должность главного тренера сборной Союза для того вполне подходила. Однако бывшему чемпиону предложили тренировать даже не сборную Хонора, а всего лишь захудалый клуб Винджуваца на Невриде.

Марин пожал могучими плечами, сгрёб в охапку семейство и уехал из Светлоградovo в Лютецию, где стал одним из самых преуспевающих спортивных менеджеров. Именно его стараниями ничего не смыслящий в боевых искусствах Прежилън приумножил свои капиталы в новом для себя бизнесе. Сейчас Ковасевич сидел, развалившись в кресле комнаты переговоров, вполуха слушал размахивающего руками босса, вдумчиво изучал изрядно выросшее пузо и думал, что всё же надо бы сократить дневную норму пива. Хотя бы до литра по будням.

– Ну и где же ваша звезда?! – маленький, с воинственно торчащими усами, бан Тышкан вскочил на ноги и заходил по комнате взад-вперёд: – Уже без двадцати четыре!

– А встреча назначена ровно на четыре, – невозмутимо ответил тренер. Он вообще отличался неторопливостью везде, кроме ринга. И многие соперники, увидев неуклюжего с виду увальня, слишком поздно понимали, что ошиблись. – После того как мы купили её у Global cerkle¹, Дрена тут каждый день занимается. Уже три ладони пашет, пока наша фифа на курорте загорала. Сейчас она в зале и сюда придёт, когда велено. Или вам не терпится насладиться её красотой?

Бан Марин был совершенно прав. Не найдя желающих с ней поразмяться, Дрена жестоко излупила безответную боксёрскую грушу и с наслаждением прыгнула под ледяной душ.

– Что же ты не составил компанию милашке? – старательно прыгавший со скакалкой здоровенный парень хлопнул по широкой спине столь же внушительного приятеля.

– Ну её к чёрту! Лупит, как кувалдой, и скачет, словно блоха. Бок до сих пор болит, а я толком не попал ни разу! Но мне другое интересно: что у неё на животе? – Боец несколько раз

¹ Global cerkle («Всемирный круг») – клуб единоборств, конкурирующий со «Сполохом».

поднял пятидесятикилограммовую штангу, пренебрежительно хмыкнул и стал навинчивать на неё очередной железный блин. И, натолкнувшись на недоумённый взгляд, пояснил: – Она постоянно ходит в футболке, и никто тут ни спины её голой, ни пупка не видел. Спрашивали у девчонок – тоже не знают, моется исключительно в одиночестве. И массажисты ничего не говорят. Похоже, разминают её где-то отдельно.

Бан Прежилён беспокоился зря. Ровно в четыре Дрена появилась в зале, а почти сразу вслед за ней вошли Аньела с Давором. Соперницы уселись по разные стороны стола и оказались решительно не в восторге друг от друга. Прелестное личико хонорки скривилось в гримаске отвращения.

– Мне вот с этим драться? Вы хоть проверяли, что у него между ног?

Соперница оскалилась самым дружелюбным образом.

– То, что тебе нравится. Если тебя твой кобёл не удовлетворяет – могу помочь. Ты так на вид ничё, только подмойся как следует – не люблю вонючек.

Аньелка зашипела, замахнулась и внезапно сама улетела вниз. Дрена двинула под столом ногой и вышибла из-под неё стул. Прекрасная банна плюхнулась на пол не менее прекрасной попой, вскочила, кинулась в обход стола, но уткнулась в объёмистое брюхо Ковасевича.

– Будем считать, знакомство состоялось! – тренер ронял слова сурово и внушительно, но в глубине души был доволен. Соперницы вызверились друг на друга с первого взгляда, значит, шоу выйдет на славу, а уж застроить их он сумеет. – Ещё раз станете выяснять отношения за пределами круга, слетите с соревнований! На вас свет клином не сошёлся: у нас и красоток, и образин хватает. Ясно?!

Хонорка гордо вздёрнула нос и села обратно с видом королевы, решившей временно отложить порку прогневавшей её горничной.

– Отпусти его!!!

Бан Марин обернулся на возмущённый вопль Прежилёна. Вендка по-прежнему сидела за столом, зато Давор уткнулся в него носом и шипел от боли в вывернутой руке. Идея вступить за любимую сестрёнку оказалась не самой удачной. Девушка разжала пальцы, с удовольствием глядя в искажённое от обиды и злости лицо. Знал ведь, в отличие от той дурынды, с кем имеет дело, а туда же – грабли распускать полез!

В памяти возник первый бой. Чтобы не возиться со страшной, как ночной кошмар, девчонкой, директор небольшого клуба на окраине поставил её в круг с парнем, хоть и неопытным, но на два года старше и сильно крупнее. И шепнул тому бить в полную силу, чтобы забыла сюда дорогу. В итоге дорогу забыл едва не задушенный юнец, а тринадцатилетней Дрене предложили двадцатилетнего претендента на звание чемпиона Лютеции. Измолоченная в кровь, она выстояла все пять раундов и была принята. С клятвенным обещанием мыть полы и лестницы, стоять в спаррингах со всеми, на кого укажет тренер, а когда дойдёт дело до соревнований – падать даже перед слабой соперницей, если надо.

Упадёт и перед этой – не гордая. Хотя так и хочется со всей силы вдарить по смазливой мордашке и молотить до тех пор, пока не станет такой же мерзкой, как и та, которую каждый день видишь в зеркале. Впрочем, всех остальных соперниц Дрене тоже хотелось изуродовать. А потом разбить все зеркала в мире.

Матрос Дидо Кватерн с тоской застыл у иллюминатора. «Тавалога» стояла в дальнем углу небесного порта Лютеции, возле пятиметрового забора с колючей проволокой по верху – не перепрыгнешь. За спиной, в предвкушении заказанных в лучшем портовом пабе пива и закусок, шумели товарищи. Да и какие они товарищи: убогие обезьяны, с которыми и поговорить не о чем. Все мысли о том, как пожрать, напиться и свалиться в койку с такой же тупой самкой! Ну ещё потравить анекдоты, поржать над дебильной комедией или поспорить: сколько раз стая таких же приматов в красных рубашках заколотит мяч в ворота стаи в синем.

Кватерн не таков, как это было! Отец – редактор хонорского литературного альманаха, мать – преподаватель философии. С детства его окружали старые книги, ноты и дорогие заграничные вещи. Друзья родителей нередко выезжали в Лигу и, на зависть соседским мальчишкам, привозили ему замечательные заводные машинки и пистолеты, которые почти не отличить от настоящих.

Женщины листали модные журналы из Лютеции и примеряли привезённые оттуда чулки и шляпки. Мужчины демонстрировали друг другу интересные иностранные вещицы. Ручку-перевёртыш, где красивая девушка видна то в платье, то в купальнике. Или штопор в виде одноногого человечка. Повернёшь его голову несколько раз, винтовая нога легко войдёт в пробку, а руки поднимутся. Опустить их, и пробка сама выйдет. Разве у нас так умеют?!

Дидо поступил в институт и, несомненно, закончил бы его, если бы не та шлюшка! Кто же знал, что она нагуляет брюхо, потребует жениться, откажется делать аборт да ещё и заяву накажет! Теперь и алименты на гадёныша платить приходится, да ещё с учёбы выгнали и отсрочки от призыва лишили!

На флоте матрос Кватерн служил исправно, но оставался чужим для соседей по кубрику. Просто потому, что читал книжки, которые их дикарский мозг понять не мог. В экспедицию пошёл с радостью – с детства хотелось приключений, однако и там скоро разонравилось. Удушающая липкая жара, кусачие насекомые, скучные зоологи, не желающие ничего знать, кроме своего зверья... Единственным светлым пятном за год стало прибытие в Орлеанию. Как он мечтал увидеть Лютецию! Целый год каждую ночь перед глазами вставали роскошные здания королевского дворца и оперного театра, широкие, поросшие каштанами бульвары и невыразимо прекрасные женщины, гуляющие по ним. А теперь бездушная скотина в капитанских погонах оборвала мечту своими грязными лапами!

Кватерну хотелось плакать от обиды. За год с лишним сослуживцы осточертели окончательно, и он решил покинуть их навсегда – родители поймут, они сами эту страну ненавидят. План выглядел идеально. Уйдя с командой в увольнение, прихватить с собой в сумке шорты и футболку. Пока все нажираются в кабаке, отойти в туалет, переодеться в гражданское, удрать через чёрный ход и кинуться в ближайшее полицейское отделение. Только что теперь мечтать – вот она, Лютеция, сияет огнями за зданиями небесного порта – но не достанешь!

– Дидо! – От рёва боцмана над ухом чуть не лопнули перепонки. – Через час выпивку и закуску ещё подвезут. Спустишься, покажешь, куда нести!

Оставшийся час Кватерн был весел, как никогда в жизни. Ел и пил за троих – в полиции наверняка в камеру посадят, а там и в Лиге разносолами не кормят. Подпел, когда собутыльники грянули «Летим же, красотка, кататься». От души смеялся дурацким анекдотам, представляя, как вытянутся вскоре гогочущие вокруг ненавистные хари.

Маленький багажный грузовичок привез заказанное. Дидо помог вытащить коробки, показал, куда нести, и, пока грузчики волокли их в камбуз, проскользнул в кузов за спиной часового. Скорчился в углу, накрылся удивительно кстати валявшимся брезентом и затих. Лишь бы его не хватились!

...Мойзес сам не знал, почему задержался в небесном порту. На банкет с офицерами и учёными от Peple Odserveie, ведущей газеты Орлеании, респектабельной Monday и прочих изданий поехали господа главные редакторы. «Эдна», высадив Аваланда, немедленно улетела на базу его корпорации. Матросов с «Тавалог» не выпускали, а судьба «Батиллуса» оставалась загадкой. На краткой пресс-конференции в порту суар Арман коротко сообщил, что корабль не вышел из волчка, и призвал почтить память погибших минутой молчания.

Всё бы ничего, но учёные-то вернулись! Словам Аваланда о взрыве в лаборатории судна Лиги, после чего биологам пришлось работать на других судах, Ламвракис не поверил – чему там взрываться? Вот и торчал в порту, в международной зоне за постами пограничников и

таможенников. Составлял бизнес-план рекламы фантастической порнухи и ждал неизвестно чего.

Парня в чёрной форме флота Народного Союза Мойзи увидел совершенно случайно и сначала не поверил своим глазам. Пугливо оглядываясь, тот вышел из неприметной боковой двери и неуверенно направился к указателю. Журналист пулей выскочил из-за стола.

– Могу... чем... помочь?

Ну почему он так и не выучил вендский! Хотя бы пару сотен слов, для простейшего разговора?!

Матросик нервно дёрнулся, но тут же облегчённо вздохнул. Тощий носатый альрамей, чуть старше его самого, один и явно не опасен.

– Мне нужно в полицию!

Слава богам, у него отличный орлеанский!

– Тебя обокрали?

– Нет! Я... сбежал!

Сбежал?! И, наверное, в курсе, куда на самом деле делся «Батиллус»? Мойзи не знал, кто ему помогает – Экзепр или Тарантос, но на всякий случай поблагодарил обоих.

– Слушай меня внимательно! Я специальный корреспондент Peple Odservie. Это вторая по тиражу газета в стране, – Мойзес трясущейся от волнения рукой вытащил из кармана удостоверение и показал Дидо. – Меня послали помогать таким, как ты! В полиции так сразу не поверят, что тебе грозит опасность, и запросто могут отправить обратно на корабль, а дальше... сам понимаешь.

– П-почему? – загоровшая в джунглях физиономия беглеца не просто побледнела – стала синеватой от ужаса. Он пошатнулся и, казалось, вот-вот упадёт в обморок. – Вы же принимали императора Сретана, Диликиса, Вейдица...

Он что, совсем идиот?

– Ты не император, не главный идеолог Народного Союза и не всемирно известный режиссёр. – Мойзи старался говорить максимально ласковым и убаюкивающим голосом, как будто имеет дело с маленьким капризным ребёнком. – Но, если расскажешь нечто, за разглашение чего могут реально наказать, совсем другое дело. Пошли, выпьем по чашечке кофе и подумаем...

Через час Ламвракис ошалело смотрел на листки, где поперёк записанного им интервью красовался размашистый росчерк беглеца.

– Завтра твой рассказ выйдет, – утешил он постепенно приобретающего нормальный цвет лица Кватерна. – Переночуешь у меня, а после выхода номера тебе нечего опасаться.

«... Что стало последним толчком к вашему решению просить политического убежища?

– До отлёта в экспедицию мне казалось, что новый курс Грдамича постепенно позволит нашей стране стать истинно свободной. Где на выборы допускают всех, а не только вечно правящую партию и её марионеток. Где детям на шею не вяжут красно-зелёные удавки и не заставляют маршировать колоннами. Где взрослые могут говорить, что думают, не опасаясь агентов госбезопасности, а историки, писатели и философы публикуют свои труды без оглядки на цензуру... Но то, что случилось на Радуге! Поехавшие охотиться на зверей венды сами оказались куда более свирепым зверьём. В очередной раз, напившись до скотского состояния, они устроили налёт на поселение мирных аборигенов. Убивали, мучили, насиловали, не щадя ни женщин, ни детей!

Капитан Кастрел с пистолетом в руках встал на пути убийц. Тогда один из них, старший механик Трембич, кинулся на него с тесаком, покрытым кровью туземцев, и капитану пришлось применить оружие. Остальные трусливо разбежались и потом перелетели на другой остров, где продолжали свои кровавые оргии. Перед отлётом в Орлеанию корабли опять собрались на одном острове. Наш командир пытался уговорить Кастрела молчать об увиденном, но

тот с возмущением отказался. И тогда перед входом в волчок крейсер “Тавалога” подло расстрелял “Батиллус”, по личному приказу его капитана Воислава Гверо. Уже приземлившись в Лютеции, он хвастался, что отправил рапорт в Светлоградovo, и там полностью одобрили расстрел. Стало понятно – эту страну уже ничто не спасёт, а я задохнусь от смрада, если продолжу дышать одним воздухом с палачами и их покровителями...»

Глава 2

Столица Народного Союза и республики Вендия город Светлоградово

– Два часа заседали? – отхохотавшись, следователь по особо важным делам следственного управления госбезопасности майор Сокол вытер слёзы и в изнеможении откинулся на спинку кресла. – Сам Грдамич, министр иностранных дел и министр обороны?

– Даже два с половиной! – бывший полковник разведки, а ныне заместитель по безопасности секретаря по идеологии Народно-революционной партии Даян Ранковац отсмеялся ещё вчера и теперь демонстрировал сдержанную скорбь от идиотизма происходящего. Глава крупнейшей державы человечества и его самые влиятельные министры специально собрались, чтобы решить: встречать ли экспедицию с положенными почестями? Или лучше тихонько посадить «Тавалогу» в дальнем углу космодрома? Пока не постановили, что «тихонько» в сложившейся ситуации равносильно признанию вины, но и полный парад устраивать не стоит. – Интересно, что они обсудят на следующем заседании? Может, фасоны женских платьев грядущего сезона мод?

Сокол представил, как председатель Грдамич с портновскими булавками во рту подходит к столу с тканью. Запускает руки в шапку густых торчащих волос, взъерошивает их, отчего становится ещё больше похожим на сердитого ёжика, и, озабоченно пытаясь, начинает работать над выкройкой. Да ещё и приговаривает почтительно внимающей свите, что линию талии опускать не даст ни в коем случае!

Мелькнувшее наваждение выглядело пугающе убедительным, и майор с трудом отогнал его, вернувшись к теме.

– Интересно, есть ли в этой раздражающей душу повести хоть доля правды?

– Даже думать не хочу! – поморщился экс-полковник и потянулся к коробке с табаком. – Ибо суета... тьфу! От тебя ведь торжественным штилем заразился! Корабль придёт, и мы всё узнаем из первых рук.

Статья в *Perle Odservie* стала бомбой не только в Орлеании, но грохнула на весь мир. Правда, в Народном Союзе – только на самом верхнем этаже власти. Дипломатическое ведомство получило информацию об интервью Дидо Кватерна раньше, чем пришла газета, которую тут же изъяли, не допустив даже до правительственной библиотеки. Само собой, не дождалось номера подписчики и газетные киоски.

Посольство и разведка докладывали одно и то же. В Лютеции прошло секретное расследование, допрошены все орлеанцы и затребовано разрешение на допрос вендских моряков. Но появился Аваланд и, словно кролика из шляпы фокусника, извлёк киноплёнку, запечатлевшую последнюю битву «Батиллуса»: тот явно атаковал первым. Капитан Гверо в свою очередь представил журнал отправленных радиogramм, а радист «Эдны» подтвердил, что слышал их. Текст: «Прекратите стрельбу! Кастрел, вы рехнулись?» не оставлял сомнений. Аваланд рассказал и про предшествовавшие события, хотя и старался их смягчить.

Скандал быстро замяли, а газета срочно вывесила опровержение. Оказалось, что журналист Ламвракис всего лишь ознакомил читателей с откровениями беглого матроса. Разумеется, никоим образом не претендуя на истину в последней инстанции.

Светлоградово потребовало выдать изменника. Лютеция с сожалением заявила, что выдача лиц, требующих политического убежища, противоречит принципам демократии и гуманизма, даже если существуют сомнения в их душевном здоровье. В Народном Союзе намёк поняли, и, когда консилиум светил орлеанской психиатрии объявил беглеца сумасшедшим, согласились на его госпитализацию в Орлеании. Все обвинения с команды «Тавалоги» мгновенно

венно сняли, а девять дней вынужденного пребывания в небесном порту оплатили как время, проведённое в экспедиции.

Фамилия Кватерна немедленно исчезла с первых полос, и лишь крупнейшая газета страны, Monday, опубликовала небольшую заметку о его горькой судьбе. По её данным, психика юноши, привыкшего к скудному ассортименту магазинов Союза, не выдержала созерцания роскоши орлеанских витрин (хотя беглец их вообще не видел). Скандал затух, но Грдмич всё равно испугался, причём и сам особо не понял, чего именно. О проклятиях, которые обрушила на него, капитана Гверо и всех вендских варваров безутешная супруга адмирала Кастрела, главе Народного Союза не доложили.

Крейсер ещё подрагивал, заглушая двигатели, а все, кто мог, уже столпились у раздвигающихся створок главного входа. Впереди, как и положено, стоял командир, успевший испить любимого чая.

– Ну, как? – прозвучало в голове. Туземцев Радуги Войко слышать перестал, но на спутниках Экзебра связь работала превосходно. Казалось, суар Арман разместился прямо за спиной. – Встречают торжественно или скромно?

– Даже и не скажешь... Народу много, красную дорожку протянули, но военных почти нет. Не знаю, кому и рапортовать.

– По центру кто стоит? – поинтересовался многоопытный олигарх.

– Президент Академии наук.

– Вот ему и рапортуй. Экспедиция же вроде гражданской числится, значит, уставу такой рапорт не противоречит.

Войко поблагодарил и погрузился во мрак размышлений. Выйдя из волчка, крейсер не получил ожидаемой поздравительной эфирограммы от властей – только указание диспетчера о посадке. Похоже, поганая статейка сработала: никто из правительства и высшего военного командования прибыть не соизволил. Трепотню Грдмича или министра обороны потерпеть можно – за ней обычно следуют звания и ордена, но вместо них за спиной президента Академии торчат какие-то неприметные типы в мешковатых костюмах. Хоть бы у Ладиного мужа поучились одеваться – вот кто свою тройку носит безупречно!

Как избежать чиновничьих излишней? Так ведь император таблеток и микстур только что натолкнул своего новоявленного наследника на ценную идею! Устав, товарищи, это наше всё! Войко усмехнулся, углядев в маленькой кучке военных старшего по званию. Ну да, конечно: поскольку товарищ Доневи́ч не мог не прийти, его и отрядили в качестве комитета по встрече. Следовательно... Как там говорили в старину? Военный должен иметь вид лихой и придурковатый?

Выстроив экипаж вдоль дорожки, Воислав сбежал по трапу и вытянулся перед Доневи́чем, включив, как писал хонорский поэт Пацевич, «глас, перекрывший грохот боя». Зря, что ли, в училище отрабатывали?

– Товарищ адмирал, командир крейсера «Тавалоба» капитан III ранга Гверо по выполнению задания прибыл! Задание выполнено успешно! Разрешите рапортовать о прибытии товарищу президенту Академии наук?!

– Разрешаю! – ещё мощнее громыхнул Доневи́ч и тихонько шепнул: – Валяй, циркач!

Тем же бронебойным голосом капитан отрапортовал о прибытии старенькому учёному, стоявшему со сдержанно-скорбным видом – про гибель коллег ему сообщили ещё из Орлеании. На вежливое интеллигентное поздравление экипаж, оценивший тактику командира, рывкнул уставное троекратное «Ура!» так, что с лётного поля в небо сорвалась голубиная стая. Доневи́ч гаркнул поздравление от лица командования – летуны снова трижды взревели. Дедушки-академики морщились и трясли головами. В заднем ряду скалился огромный генерал Лабуттиц, рядом с ним строил умильную рожу Велемир. Зленоваца, естественно, никто не ждал – осторожный Горан никогда не посещал сомнительные мероприятия. Тётя Радмила наверняка

готовит праздничный ужин. Но почему нет Лады? Считает, что приличной замужней женщине нельзя появляться без супруга?

Эхо от матросского рёва ещё затихало, оглушённый им плохо одетый чиновник замешкался, чем и воспользовался Войко.

– Прошу разрешения вернуться на корабль, – выпалил он в пространство между Доневицем и президентом Академии. – Меня призывают должностные обязанности.

Флотское и научное начальство согласно кивнуло, и команда коварно отступила обратно на борт. Выслушивать чиновничьи излияния пришлось выжившим учёным. Пробубнив положенное по бумажке, замминистра науки и президент Академии двинулись к выходу вместе с её светилами. Убедившись, что остались только свои, Воислав снова сбежал с трапа.

– Приёма и банкета не будет! – сказал Доневиц. – Оставь кого-то командовать разгрузкой – и к нам!

Знакомый двор встретил странно: при виде заезжающих машин с лавочки возле подъезда сорвались двое подростков в свинных масках. На стене тоже красовалась свинка, очень миленькая, в платьице, с поросёночком на руках.

– Ты ничего не видел! – прошипел Велемир, предупреждая вопрос друга. – Ни слова об этом при родителях! Потом расскажу!

Стол ещё накрывали, и младшие офицеры отправились в спальню распаковывать подарки. Для дам в джунглях ничего подходящего не нашлось, но супруга Аваланда подобрала им лучшую орлеанскую косметику. Мужчин ожидали крепкие настойки из плодов Радуги. Шебутной Гробич решил попробовать себя в новом качестве и преуспел – за такие напитки коллекционеры элитного алкоголя душу бы Тарантосу продали! Ну и оружие дикарей, конечно: копья, духовые трубки, каменные ножи...

– Думаю, Лабутицу подойдёт! – Войко удовлетворённо взвесил в руке устрашающую дубину, в которую водители плотов воткнули акульи зубы. И с удовольствием вспомнил, что и сам получил подарок – усовершенствованный по его проекту тяжёлый крейсер «Адмирал Доневиц» завершал испытания. Пока ехали из порта, дядя Боривой подтвердил, что место старпома на корабле, названном в честь его деда, уже в кармане парадного кителя Воислава. – Так что там у вас за история с хрюшками?

Велько скривился и достал из ящика стола сложенную вчетверо газету.

– История вышла самая поганая. Помнишь, батя подал в суд на газету, которая его оклеветала? Ну что он за счёт министерства помолвку дочери праздновал?

– Припоминаю... И как результат?

– Его все, кто мог, отговаривали: и мы с мамой, и в штабе, и Зленовац с Ладой. Даже Нишич зашёл: клялся, что при нынешних законах с прессой судиться, что в кучу дерьма вступать. А уж он-то в таких делах понимает – на «Рассвет» сколько раз подавали! Но отец упёрся, и ни в какую! И ведь выиграл... на свою голову! «Свободные новости» оштрафовали и велели напечатать опровержение. Читай...

Опровержение вышло под заголовком «Победитель орлеанской свинины»:

«Заместителя командующего нашим Небесным флотом Боривой Доневица можно поздравить. Обидно на старости лет осознавать, что адмиральские погоны ты получил исключительно с помощью паркетных маневров, ни разу так и не понюхав порошу. Теперь товарищ адмирал, наконец, вступил в бой и победил! Правда, не вражеские эскадры среди облаков. Наше скромное издание наголову разгромлено в зале городского суда. Конечно, абсолютно независимого, который принял своё решение без малейшего давления властей, и особенно минобороны!

“Свободные новости” признают поражение. Мы были неправы, назвав высокое собрание на яхте “Победа” помолвкой адмиральской дочери. По всем документам, там состоялась конференция управления политвоспитания флота, посвящённая 10-летию свержения прези-

дента Джамхиры. Фотография, на которой будущий муж держит руку на теле прелестной Лады – совсем не там, где следовало бы постороннему человеку, несомненно, случайность. И драгоценный перстень дочери адмирала почётный гость – князь императорской крови Божида Караджерович – преподнёс, конечно же, просто так... Просветлённая судебным решением редакция уверена: это не более чем совпадения! На “Победе” прошло чисто политическое собрание, и точка!

Особенный интерес вызвало выступление известной специалистки по истории Джамхиры Венцелины Лесковац. По слухам, госпожа Лесковац познавала тайны павшей республики при содействии покойного президента Ндумо, причём исключительно в горизонтальном положении. Содержание тезисов целиком соответствовало формам, которые вызвали горячий интерес мужчин и едва не порвали новое платье докладчицы.

Полностью отвечало важности момента и меню. Ндумо поминали под тогтарейских осетров (170 донеров за порцию), отбивные из телят Хинтерланда (128 донеров) и молочных поросят из Орлеании (от 656 до 842 донеров штучка), запечённых целиком в духовке. Вино к ним подавалось тоже орлеанское красное, всего по 440 донеров за бутылку.

Интересный феномен: именно те начальники, что особо напирают на свой патриотизм и обличают разврат, царящий в странах Лиги мирного неба, предпочитают еду, выпивку и модную одежду из этой самой Лиги! Видимо, поедая вражескую поросятину и запивая её неприятельским алкоголем, они берегут от них нежные организмы сограждан со средней зарплатой в 290 донеров в месяц. Подчёркиваем: именно средней! У доброй четверти трудящихся доходы ниже, не говоря о пенсионерах!

Склоняем головы перед отважными флотоводцами, которые, не щадя собственных желудков и кишечника, защищают народ от вредных деликатесов и успешно одолевают их! Надеемся, что штраф, который “Свободные новости” выплатят товарищу Доневичу, поможет ему в суровых застольных битвах!»

Войко брезгливо отшвырнул листок:

– Нишич прав, и вы все тоже – толку никакого, одна вонь.

– И ведь всё равно врут, ублюдки! Стол мама готовила, а поросят фермерша из Орлеании вообще бесплатно поставила, у неё ещё фамилия смешная – Харич. Прадед – венд, сбежал после войны, а тётка вдруг по Родине затосковала, хотя и не летала к нам никогда. Зленовац Ладку за талию держал, когда танцевал... Но теперь что – заново в суд подавать? Бесполезно: они ещё что-нибудь сочинят. Мы и так до сих пор говно с подмёток счищаем!

– Это ты про свинство у подъезда? – уточнять про вино, осетров и отбивные Воислав деликатно не стал.

– Ну да! «Свободные новости» вроде как издание оппозиции, хотя на самом деле покровители у них на самом верху сидят. А школьники и студенты сплошь против власти. Ну и развлекаются – то в поросячьих масках у подъезда маячат, то свиной рисуют, то вот такое в почтовые ящики кидают...

Велемир достал из стола ещё несколько бумажек. Хряк в адмиральском мундире со свиной в роскошном платье. Другой хряк в дорогом костюме, держащий под ручку маленькую испуганную свинку. Стая свиной с бутылками на палубе линкора, понуро свесившего стволы орудийных башен.

– Указатели на стенах малюют: «Свинарник там», со стрелкой и нашим адресом. Один раз червивую свиную голову подкинули. Хорошо, Лабутиц надоумил посадить в кустах милицию, те четверых паскудников поймали. Оказались с филфака университета, так им привод за порчу стен оформили, в ректорат сообщили, и всю компанию – тью-тью! Ну а тут как раз призыв подоспел, дядя-обезьян повесточки и организовал – в такой дальний гарнизон Тогтарей, что там мухи от холода и тоскидохнут. После этого притихли, и теперь бузит в основном школоту. Ей армия не грозит, да и порку после того, как царя свергли, запретили. Очень зря, кстати!

Политическую дискуссию остановил нарастающий шум из прихожей. Похоже, пришли новые гости? Точно, явились! Велько поморщился, как от зубной боли, различив в общем шуме уверенный баритон Зленоваца. Но всё перекрывало восторженное сюсюканье Мирьяны Лабутиц.

– Ты же мой зайчик, ты же мой колобочек, какой большой уже стал! Борко, дай его сюда, кто так держит?! Ты же мой сладенький пончик с вареньем...

– С кашашечками! – громыхнул бас Лабутица.

– Вуко, прекрати гадости говорить! – возмутилась Мирьяна.

– Какие же гадости – чистая правда! Утром, может, и было варенье, а сейчас уж точно кашаки. Неужели не чувствуешь? Я-то, как четырежды папаша, сразу унюхал!

По коридору торопливо простучали каблуки, и в комнату влетела Лада. На руках у неё сидел ребёнок среднегрудничкового возраста и явно готовился зареветь. Лада, не глядя, сунула малыша брату:

– Иди, помой!

– Шутишь? – опешил Велемир.

– Тогда займи его чем-нибудь!

Они целовались так, что Велько забеспокоился.

– Эй! Только не здесь! Не сейчас! Да вы что – сбрендили?

Опасную идиллию прервал младенец, заявив о категорическом недовольстве окружающим миром. Молодая мать нехотя отлипла от возлюбленного.

– Ладно, ладно, сейчас... Войко, пошли, поможешь.

Капитан Гверо пытался собрать расплывающиеся мысли, не преуспел и поплыл по течению, отрешенно созерцая мытьё под краном розовой попки. Наконец, когда дитё переодели и приложили к груди, он решился, несмело ткнул пальцем в круглую щёчку и задал самый главный вопрос:

– Чей?

– Не сомневайся – твой! – решительно заявила Лада. – У Зленоваца за все время был всего один сын, и то... Женились они молодыми, по залёту, а кто там в его первую залетел – ещё вопрос. Дама была поведения очень весёлого, под стать муженьку...

Обернулась и, найдя его губы, как будто снова пахнущие теми дешёвыми шоколадками, зашептала:

– Твой он – сердцем чую! И по срокам – мы со Зленовацем полгода жили, и ничего, а как с тобой начали, так сразу...

Ребёнок наелся и заснул. Мать коснулась губами лба:

– Спи, Златко...

– Как зовут? – не понял Воислав.

– Златан, как же ещё? Золото мое...

– Поговорили? – возник на пороге Велемир. – Пошли, все уже сели!

Гости и хозяева жаждали рассказа о приключениях, и капитан Гверо оправдал их надежды, хотя и чувствовал себя словно в тумане. Пока за столом ахали, передавая друг другу снимки чудовищ Радуги, он снова попытался построить мысли по уставу.

Сын... Златан... Он никогда не воспринимал себя в качестве отца. Но теперь надо что-то делать? Или не надо?

Войко ещё раз взглянул на Ладку, сидящую рядом с мужем. На Златко, который радостно агукнул на руках у сияющего Зленоваца. И вдруг понял: ведь этот индюк считает малыша своим! И для всего мира так оно и есть.

Основные решения в Народном Союзе принимало не правительство – оно их исполняло. И не руководство правящей Народно-Революционной партии – ей, как завещал маршал Кордич, поручались исключительно идеология и пропаганда. Созданное партизанскими команди-

рами государство уже почти сто лет управлялось теми, в чьих руках сила, прежде всего вооружённая. Потом, конечно, появились и Народное Вече, и депутаты на местах, и многоэтажная бюрократическая пирамида, но старые традиции не умирали.

Реальная власть и сейчас остаётся у Совета обороны, состоящем из девяти человек, где председатель совмещает посты лидера партии, старейшины Народного Веча и верховного главнокомандующего. Однако и он не может править без оглядки на соратников – Хрноевич пытался и теперь выращивать георгины на даче. За столом главного кабинета страны сидят премьер-министр, министры иностранных дел, обороны и госбезопасности, а ещё лидеры четырёх республик. И хотя семеро из них годятся 52-летнему Младо Грдамичу в отцы – расслабляться не стоит. Хрноевича свергли такие же старики. Правда, в отличие от этих, прошедшие Вторую великую войну.

Товарищ председатель привычным движением потянулся к волосам и решительно встопорщил их. Всё идёт по плану. Сейчас деды дослушают его тезисы в пользу договора о сокращении вооружённых сил. Первого в истории Народного Союза сокращения, а не наращивания военной мощи, которая, подобно вампиру, высасывает кровь государства. Дослушают и одобряют – предварительная работа проведена тщательно. Да и народ доволен. Корабли-то на хлеб не намажешь и на задницу не натянешь! Зато сейчас из стран Лиги в невиданных ранее количествах завозится модное барахло – от тряпок и духов до музыкальных центров и автомобилей.

Доходы от продажи экзеприя позволяют не скупиться, значит, исход первых в истории страны подлинно свободных выборов предreshён. Уважаемые партнёры долдонили, что для полноценного членства в их клубе в избирательные бюллетени следует вписать всех желающих, а не только дозволенную оппозицию в лице Демократической и Крестьянской партий. Он это сделает – бюллетени со списком партеек и партеечек будут напоминать рулон туалетной бумаги. А потом полюбуется на вытянувшиеся физиономии глав Лиги, когда те увидят жалкие проценты противников его власти, которые отнимут крохи голосов друг у друга!

– ...Подводя итоги вышеизложенному, можно с уверенностью считать: подготовленное соглашение чрезвычайно выгодно Народному Союзу. Сейчас у нас 43 линейных корабля, а у Лиги – 74. После сокращения остаётся соответственно 30 и 48. Таким образом, разрыв по линкорам уменьшается почти вдвое. Аналогичное соотношение получается по кораблям иных классов, а также сухопутным войскам и авиации. Вопросы будут, товарищи?

– Я ни в коем случае не ошпариваю прожвучавшие цифры. Трудно шпорить с учебником первого класса, – министр обороны удивительно вовремя решил вставить себе зубы, половину слов не разобрать. И вообще, чего вылез, сморчок червивый? Лично же с ним говорил, как и с остальными! – Но вы жабыли шкажать, что Лига шокарашает ишключительно штарые боевые единицы, а мы пушкаем на шлом и шетыре новейших, находящихшя в поштройке. Тогда как небешные флоты Орлеании, Кандианы и Хинтерланда недавно ввели в штрой шешть линейных кораблей, не попадающих под шоглашение. Кроме того, пошле Джамхиришког крижиша фактичешким шоюшником Лиги являетшя Уммахан, который на кредиты Лиги жначительно ушилил швои эшкадры. В наштоящее время у них девять шовременных линейных кораблей, ещё один доштраиваетшя и три уштаревших проходят модернизацию.

– Уммахан, по данным разведки, после ввода в строй десятого линкора увеличивать флот не планирует, – решительно возразил Грдамич. – У них очень сложная экономическая ситуация. У нас, кстати, тоже непростая, и существующий военный бюджет нам не потянуть. Лига любезно согласилась взять на себя утилизацию части списываемых кораблей, и даже платит за них. Да и по факту из современных списывается только два корабля, достроенных до половины, а у остальных двух едва корпуса заложены. Тем более...

Товарищ Младо выдержал паузу и заговорщически подмигнул министру обороны:

– Соглашение не предполагает никаких ограничений на корабли, заложенные после его подписания.

Расплылся в щербатой улыбке и радостно закивал! Так ему всё же показали картинку с гигантским суперлинкором и посулили, что работы по нему начнутся в ближайшее время! Он просто забыл об услышанном, но теперь всё же вспомнил и заткнулся! Само собой, никто страшилище строить не собирается, но склеротик, скорее всего, помрёт, не успев это осознать. Или осознает уже в отставке, когда под себя ходить будет!

– Надеюсь, наши новые друзья получают только корпуса этих двух линкоров и не приобретут по цене металлолома их пушки, ходовые машины и средства связи?

Министр госбезопасности – форменный параноик, но ему по должности положено. И до чего же у него противный дребезжащий голос – словно козёл блеет!

– Нет, там ещё ничего не установлено.

– А машины и вооружение, силовые установки и прочее оборудование остальных кораблей?

– Вы полагаете, Союз до такой степени обогнал страны Лиги, что наши секреты тридцатилетней давности представляют для них интерес? – ехидно спросил Грдамич. – Даже армейские политвоспитатели не втирают личному составу, что мы настолько оторвались от вероятного противника!

– Мне не положено полагать, – главный гэбист иногда отличался воистину ослиным упрямством. – Существуют инструкции, согласно которым продукция, изготовление которой сопряжено с секретностью, не должна попадать в руки иностранцев. Я не могу исключить, что даже в старом оборудовании может найтись неизвестный противнику узел, и что именно этот узел позволит ему разработать новую модификацию вооружения или корабельного двигателя. Все предназначенные к передаче корабли должны быть тщательно проверены с участием сотрудников моего ведомства и покинут пределы страны только после изъятия отмеченного ими. Если проверка требует продлить срок исполнения договора, то его следует продлить.

И ведь не поспоришь: госбезопасность имеет право блокировать любые подобные договоры. Ладно, и это поправим – совсем уже помешались на своей секретности. На офицерских курсах Светлоградского университета старшекурсники факультета экономики, и среди них будущий верховный главнокомандующий, тщательно конспектировали из секретных книжечек в секретные тетрадки тактико-технические характеристики линкоров типа «Заря Свободы». Потом запирали книжечки в один сейф, тетрадки в другой, шли в университетскую библиотеку и сверяли военные тайны с кандианским военно-небесным справочником. Фотографии кораблей там шикарные – не то что в изданиях Союза, где печатали невнятные чёрно-белые снимки, сделанные словно шпионом из-за угла!

Потом прикреплённая к университету гэбэшная дубина разнюхала и запретила выдавать книгу. А на вопрос: почему студентам нельзя читать то, с чем за границей может ознакомиться каждый, точно так же проскрипела: «Не положено!» Кретин!

– Сумеет ли мы трудоустроить сокращаемых военных? Ведь у подавляющего большинства нет гражданских специальностей. Да и вряд ли много кадровых офицеров и сержантов согласятся стать к станку, конторскому столу или прилавку.

Тоже древний мухомор – председатель Народного Веча Невриды. Впрочем, в его словах есть резон. Чёрные плодятся, как кролики: если население страны за последнее столетие выросло вдвое, то этих стало больше вчетверо. Потому вопрос согласован заранее, и ответы на него готовы.

– Здесь я вынужден покаяться перед вами. – Грдамич рассмеялся, открыл соглашение и показал на параграф, подчёркнутый красным. – Стыдно признаваться, но мы слегка обманули уважаемых партнёров. В договор попадают регулярные сухопутные войска, однако народное ополчение в нём отсутствует. Поскольку, согласно конституции, в мирное время не относится к вооружённым силам и подчиняется властям республик. Нам ничто не мешает увеличить коли-

чество постоянного состава ополчения и направить туда значительную долю сокращаемых. Так что обороноспособность страны не пострадает.

– Следует и правоохранительные органы усилить, – глава Тогтарей Трвено Амнев задумчиво намотал на палец один из своих цветастых галстуков, к которым питал особое пристрастие. – Мы начали демократические преобразования, дело это хорошее и необходимое, но вызывает досадные эксцессы в виде роста преступности. Чтобы противостоять ей, нужны не сельские участковые, которые уже забыли, когда последний раз чистили пистолет, а в кобуре носят бутерброды! Требуются отборные волкодавы. В армии, и особенно в десантных частях, они есть!

– Можешь так и назвать: спецназ министерства внутренних дел Тогтарей «Волкодав»! – Амнев среди собравшихся был единственным сверстником главы Союза, в молодости работал с ним в министерстве торговли и считался членом его команды. – И эмблема на форме с эдакой злобной псиной!

– Тогда и в остальных республиках надо придумать такие боевые названия! – подхватил идею тогтареец. – Знаю я нашу десантуру: сплошь бывшая шпана, милицию терпеть не может, редкие увольнительные и праздники обходятся без мордобоя. А в такие отряды пойти вроде и не зазорно.

– Отличная идея! – Грдамич довольно улыбнулся. – Ещё замечания есть? Нет? Кто «за»? Единогласно!

Вот так, с шутками и прибаутками, вояк на треть и сократили. Осталось утвердить договор на Вече, но это уже чистая формальность. Если пара-тройка совсем выживших из ума пердунов и проголосует против – так даже лучше. Пусть все видят: с замшелым единомыслием прошлых десятилетий покончено. Поехали дальше!

– Следующий пункт: о причине безвременной кончины городского головы Светлогорова Благовера Древича. С докладом объединённой следственной группы министерства государственной безопасности, Специальной прокуратуры, а также министерств внутренних дел Вендии и Тогтарей мы все уже ознакомились. По нему какие-то вопросы имеются?

Старички отрицательно помотали головами. Глупейшая история вышла – получив пост столичного градоначальника, министр строительства Тогтарей так и не доехал до Светлогорова. Новое назначение Древич отметил грандиозным загулом, укушался в стельку, обличил оторвавшихся от народа зажавшихся бюрократов, обещал загнать их на заводы и в шахты (где он в столице шахты нашёл, алкаш красномордый?!), а утром обнаружился в пруду перед особняком. Пошли слухи, что кровавая гэбуха убила народного заступника, кое-где прошли митинги с требованием расследования, но оно не дало ничего – пьяная скотина сама пошла освежиться и утопла!

Потрясённый столь нелепой смертью, Грдамич едва не потребовал ввести сухой закон, но вовремя одумался. Такого народ точно не простит! Впрочем, нет худа без добра: налицо упущение службы охраны, которая входит в МГБ. Значит, главный гэбист ещё на шаг придвинулся к отставке.

Ну а сегодня туда отправится министр небесного судостроения Белоян, которого как раз пригласила строгая секретарша. Отдадим его на растерзание дедулям. Ишь оживились – прямо копытами бьют! Даже председатель Народного Веча Хонора жаждет крови. Подследственный копал под него вовсю, почти открыто заявляя, что республике нужен молодой энергичный вожак. Такой её скоро и возглавит, только это будет однокашник самого Грдамича по университету, грамотный экономист, чуждый политических амбиций.

– Ваша вина неопровержимо доказана расследованием объединённой следственной группы Спецпрокуратуры и министерства госбезопасности, – сдвинул седые лохматые брови гэбэшник. – Заказы на электрооборудование и навигационные приборы для последней серии

грузовых судов вы передали заводам Хонора, хотя в Вендии есть аналогичные предприятия, производящие такое же оборудование дешевле. Вам есть что сказать в свое оправдание?

– Да, дешевле и что?! – вопреки ожиданиям, полноватый лысеющий министр в модных очках без оправы не собиравшись смиренно каяться – А качество? Или оно уже ни во что не ставится? Хорошая работа всегда стоит дороже, а дешевизна – родная сестра халтуры!

– Не морочьте нам головы! – вскипел старейшина Вендии Переслав Молев. – Экспертиза доказала, что наши изделия не хуже.

– Что там доказала ваша экспертиза? Срок службы она как определяла? И погрешность через год эксплуатации? А...

– Мы доверяем экспертам следственной группы! – козлоголосый гэбист гордился стремительно идущим к суду делом и не позволил бы лишиться себя триумфа даже воскресшему маршалу Кордичу. – И ещё мы знаем, что директором одного из получивших заказы заводов оказался ваш зять, а второго – двоюродный брат жены. Совершенно случайное совпадение!

– Не помню, чтобы ваша контора возражала против их назначения! – окрысился Белоян. – Оба блестящие специалисты, и я уверен, они выполняют работу безупречно и в срок! Вы, надеюсь, в курсе того, какая у нас проблема с контролем качества и исполнением принятых решений? Есть хоть одно серьёзное нарекание на качество продукции этих заводов? Мне почему-то кажется, что некоторые товарищи из Вендии очень обиделись, что заказ прошёл мимо, когда они уже навар поделили! И, возможно, среди них племянник товарища Молева, который сейчас возглавляет...

– Это клевета, и вы ответите! – сдавленно прошипел вендский старейшина.

– Давайте не превращать заседание в базар! – хлопнул ладонью по столу Грдамич. – Предлагаю: снять с должности, исключить из партии и передать дело в суд. Пусть там и разбираются, по какой статье квалифицировать этот... семейный бизнес.

– Ни для кого не секрет, что Специальная прокуратура была создана по инициативе заместителя председателя Народно-Революционной партии по идеологии товарища Богуслава Яншича, – с издевательской иронией продолжил вождь Союза, когда за изгнанным министром захлопнулась дверь. – Как видите, она и разобралась с этой дурно пахнущей историей. Мне очень приятно, что подобранные товарищем Яншичем сотрудники не делают исключения даже для институтских приятелей его самого! Полагая – как, разумеется, и он сам, – что путать свой карман с государственным у нас не имеет права никто!

Последние слова потонули в одобрительном гудении, и в ушах Грдамича оно звучало подобно величественной симфонии. Всё идёт по плану. Скоро в коридорах власти не останется ни замшелых старцев, ни возомнившего о себе в последнее время Богуслава. Именно на него будет возложена ответственность за злоупотребления спецпрокуроров, которых его аппарат подбирал со всех уголков Народного Союза, из региональных прокуратур и следственного аппарата территориальных отделов милиции. И за клевету курируемых идеологическим отделом газетчиков, назначенных опять-таки аппаратом главного идеолога с санкции самого патрона. После чего выпускник Высшей политической школы Лютеции отправится на ту же политическую свалку, что и дедки, которых он сейчас помогает зачищать. Двух вожаков в одной стае быть не может, и конкурента надо вышибать из игры до того, как он покажет зубы.

Глава 3

Орлеания, город Герэ, деревня Жарнаж и монастырь Святого Гундия

Дважды глохший по дороге мотор автобуса сдох окончательно в сотне метров от центральной площади захолустного городка – старая колымага в очередной раз не выдержала местных дорог. «Дальше не поедem!» – объявил водитель оставшимся в салоне пассажирам. Таковых оказалось трое. Пожилой бакалейщик с женой, всю дорогу ругавшиеся по поводу того, кто виноват в распутном поведении перерзрелой дочурки, задиравшей ноги во второсортном кафешантане. И подросток в широченных бесформенных штанах, спортивной куртке с капюшоном, скрывавшем половину лица, и намотанном, несмотря на жару, пёстром шарфе, под которыми пряталась вторая половина.

Бакалейщик вздохнул и, кряхтя, начал вытаскивать вещи – его лавочка находилась неподалёку. Подросток, ехавший дальше, в деревушку Жарнаж, завёлся и потребовал вернуть миллиарда. Прикинув, что шкет ниже почти на голову и раза в полтора легче, водитель порекомендовал ему предложить мамочке обратиться за компенсацией в транспортную компанию, но договорить не успел. Мгновенно выскочившая из кармана рука вцепилась в глотку и напрочь перекрыла дыхание. Затем хриплый противный голос изложил, каким образом изнасилует вон тем гаечным ключом падкого на чужие деньги козла, нанявшую рогатого урода компанию и даже сам автобус.

...Отдав монету и дождавшись, пока перед глазами прекратят пульсировать красные круги, водила перевёл дыхание.

– Ну и молодёжь пошла. За полушку удавят, бандиты...

Он осторожно ощупал горло, почувствовал кровь, выругался и потянулся к боковому зеркальцу, в котором отразились перепуганная бледная рожа и багрово-синюшные пятна с кровавыми следами от впившихся ногтей. Следов оказалось шесть.

– Бесовское отродье! – охнул водитель и оглядел площадь, на которой виднелись спины удалявшихся бакалейщика с женой, а вот никакого подростка не наблюдалось. Слава Богам – легко отделался!

Тем временем неприятный пассажир успел свернуть в один из боковых переулков. Он ни от кого не скрывался. Просто следующий автобус от Герэ должен был пойти через четыре часа, а до Жарнажа – всего двенадцать километров по новой дороге. Переулок же выводил к старой, где автобусу не пробраться. По ней до цели было и вовсе семь.

Ущелье, по которому прихотливо вилась узкая пыльная дорога, местами переходящая в широкую тропу, выглядело как в замшелых легендах: дикое, дремучее и подвластное лишь древним богам, которых все экзепристские и джалнутские священники, с редким единодушием, объявили нечистыми духами. Бледный свет раскинувшегося на половину неба Экзебра лишь изредка пробивался сквозь листву нависших над дорогой высоких разлапистых деревьев, над которыми громоздились черные угрюмые скалы, а Малый Креюс можно было только услышать: струи бурной речушки стучали валунами порогов, как колёса поезда по рельсам, в обрамлении густых прибрежных кустов. Но зачем свет тому, кто охотился тут не один год и с удовольствием вспоминал памятные места?

На лугу справа он впервые свернул шею зайцу. Тот почти незаметный сверху ручей на самом деле куда шире и глубже, и водятся в нём юркие головастики, выросшие из них толстые лягушки и вкусная радужная форель. На ветках деревьев тоже встречается кое-что интересное. Например, вороньи гнёзда, яйца в которых ничем не хуже куриных. И дупла с пчёлами, откуда при известной сноровке можно выкурить хозяев и украсть соты.

За очередным поворотом дороги подросток увидел двоих бредущих навстречу мужчин неопределённого возраста. Оба были небриты, выглядели помято-потасканно, а лица имели характерный цвет, который бывает у людей, немало времени проводящих на открытом воздухе и склонных к регулярному употреблению крепких напитков. Один из них опирался, словно на посох, на здоровенную палку, другой держал руки в карманах. Как оказалось через мгновение, не пустых.

Завидев идущего навстречу одинокого прохожего, парочка переглянулась и резко разошлась, оказавшись по краям дороги. Первый перехватил палку двумя руками, ловко перевернул и, замахиваясь, стал заходить справа. Второй выхватил нож и строго напомнил, что Боги велели делиться. Обычно этого хватало, а в случае отказа клиента вырубали дрыном.

На сей раз не срослось. Нога в тяжёлом ботинке влетела в солнечное сплетение дубиновладельца – и бродяга оказался на земле. Напарник махнул ножом, но удар ушёл в пустоту. Хрустнуло запястье, и грабитель не успел даже заорать от боли: в следующее мгновение кулак опасной добычи сломал ему челюсть. Уходя в беспамятство, несчастный успел увидеть, что у фигуры, освещённой золотыми лучами восходящего Отца, нет лица, но удивиться уже не успел. Второй, пытавшийся встать, успел, однако ему снова прилетело подкованной обувью, выбив остатки сознания.

Проворные пальцы тщательно обыскивали бесчувственные тела. Пренебрежительно отшвырнули ржавый нож из дурной стали. Изъяли горстку мелочи. Повертели толстый позолоченный кругляш на цепочке, покрытый буквами, цифрами и закорючками – наперсный знак священника Истинной Церкви. У мирян и самого подростка такие же, но тоненькие. Сунул в карман, авось пригодится...

Дальше дорога раздваивалась. Основной путь шёл вперёд, к деревянному мостику перед слиянием Малого Креюса с Большим. Отходящая влево тропа вела к переброшенному через речку дереву.

Подросток задумался: где сейчас находится пастух? Не сломайся поганая тарыхтелка, его можно было бы перехватить на выходе со стадом из Жарнажа, а сейчас куда идти? К ближнему пастбищу на плато, с которого стекает Малый Креюс? Или на дальнее, ниже по течению Большого Креюса, где трава на заливных лугах сочная даже в самое сухое лето? Нет, пожалуй, всё же на ближнее. Нынешнее лето выдалось дождливым, так зачем гнать скотину лишний час? Решившись, он перебежал по дереву на другой берег.

Осталось понять, с какой стороны подойти. Ветер дует в лицо, если обходить по тропе, придётся развернуться по ветру, и пёс учует запах. Значит, надо вскарабкаться по обрыву и двинуть к пастбищу через лес – авось удастся обмануть. С большими собаками иметь дело приходилось, но куда им до Колобка! Он уже сейчас ростом с годовалого телёнка, только длиннее, клыки отрастил с палец, а коренными зубами черенок от лопаты перекусывает.

Сорок метров – ерунда, когда ты облазил обрывчик вдоль и поперёк, изучив каждый камень. Там, наверху, обратный уклон, говорят, через него без верёвки с крюком не перелезть, если не знать про торчащий корень толстеного корявого пня. На правой руке подтягиваемся, левой хватаемся... Залезли! Теперь достаём наш любимый ножичек. Не ржавое недоразумение, как тот, что улетел в реку, а заточенную, как бритва, выкидуху с лезвием в пол-локтя. И босиком, по любимому лесочку, тихо-тихо...

Главное утреннее удовольствие уважающего себя пса – неслышно подойти к кровати хозяина и разбудить его, ткнув холодным носом. А хозяин, пусть он и проснулся раньше, не должен лишать друга этой маленькой радости. Чтущий хозяйские обязанности Иво, услышав цоканье копыт по деревянному полу, всегда опускал ресницы, но сегодня Колобок вправду его разбудил.

В остальном день начался, как и сотни до него. По лестнице в подпол за кувшином с простоквашей, на двор к колодцу умыться. Рюкзак собран с вечера: кусок старого холста на

подстилку, коробка с деталями от Orlean Electric, книга «Караджеровичи: падение в бессмертие», автор которой сам не понимал, насколько убогими вывел тех, кого воспевал... Осталось положить свёрток с едой, и всё, можно идти!

Рассветный туман обволакивал лицо мокрой плёнкой. На единственную улицу Жарнажа из ворот и проулков выдвигалась деревенская скотина. Нрав и голос каждой Иво знал уже давно, а Колобок недавно. Тем не менее разношёрстное стадо четвероногий надзиратель держал в самом строгом порядке.

Вот он загоняет в общий строй двух шевутных коз – Мори и Лори. Судя по суровому рычанию и разочарованному мемеканью, прорыв в полный соблазнов соседский огород у любимиц княгини Хованич сорвался. Зато возмущённые крики самого князя подтверждают: хулиганки сожрали последнюю уцелевшую хризантему. Ага, гонится за пакостницами с хворостиной, хотя супруга кричит, что её ненаглядные козочки не виноваты. И нечего тут демонстрировать храбрость на незащитных животных, лучше бы достойно ответил хаму, который...

Картина прошлого вечера, наконец, сложилась в голове. Княгиня поймала мужа на месте преступления – за дегустацией очередной бутылки яблочного самогона вместе с отставным егерем Кузяром и отцом Епикалисом. Стала вопить, что отдала этому пропойце молодость и красоту, а старый охотник лишь буркнул: «Насчёт молодости, оно верно!» Возмущённая Хованиха заперлась в спальне, собутыльники добавили... А с матушкой было уже после...

Басовито замычала одна из коров вдовы Корвуаз – им чужие огороды не требуются, со всех сторон круглые, как и хозяйка. Только капитанша не такая благодушная, да и не Корвуаз она совсем, а Доня Харич. Захомунав бравого холостого старпома небесного лайнера, разбитная и смазливая баба радовалась недолго. Дослужившись до вице-президента межпланетной пассажирской компании, покоритель небес вскоре выставил из дома транжиру и скандалистку. А самое обидное – даже не упомянул в завещании. Перед тем как попасть под колёса пьяного таксиста, бывший муж женился вторично и отписал нажитые миллионы новой спутнице жизни.

Предшественница затеяла было скандал, но вдова купила ей дом в глуши и дала денег на обзаведение. С условием: убраться из Лютеции и заткнуться, иначе... Что подразумевалось под «иначе», осталось неизвестным, но перетрусившая Доня согласилась и неожиданно увлеклась сельской жизнью. Солёные огурцы и квашеная капуста у неё – объедение.

Заблеяли овцы боярина Никлотича. Впрочем, какой он боярин – мутный альрамейский проходимец, сменивший фамилию. Для Хованихи нет лучше развлечения, чем ласковым голоском спрашивать: нашёл ли милый соседка свои родовые грамоты, чтобы она могла, наконец, величать его официальным титулом? Тому остается лишь шипеть, проклинать партизан Кордича и в сотый раз клясться, что изыскания в архивах идут полным ходом.

В благородное происхождение Никлотича верит только Доня, которая, не став вице-президентшей, возжелала попасть в боярыни. Пока хахаль ищет грамоты, она ведёт хозяйство да торгует в Герэ бараниной и свиной через местную лавочку двоюродного брата. Хвасталась даже, что её поросят ели в Народном Союзе на правительственном банкете! Хованиха тонко намекает, что познакомились голубки в борделе, где барышня до того, как подцепить старпома, работала по специальности, а кавалер заведовал бухгалтерией, но вот уж на этот счёт грамот точно нет.

Деревенское стадо невелико. Больше всего живности у хозяйственной Дони. Помимо своих коров да овец она следит за единственной боярской бурёнкой и его же отарой. Ещё одну корову с тёлкой держит отец Епикалис, а у прочих мелочь: пара коз, как у Хованихи, а то и вовсе по одной. Последние здешние потомки вендских эмигрантов живут на пособие от монастыря святого Гундия, к которому приписаны их земли.

Иво давно осточертел Жарнаж, но идти некуда, остается лишь блюсти скотину и благодарить Богов хотя бы за этот скудный кусок хлеба. Хорошо, что умный Колобок прекрасно справляется с редееющим из года в год стадом. Всего-то и дел – утром отогнать его на пастбище

да вечером отвести домой. С дряхлым псом прежнего старого пастуха так бы не получилось. К счастью, за полгода до того как дедушке дали наконец место в монастырской богадельне, в Жарнаже появился хромой охотник, который привёз с собой несколько собак. Один из его щенков и вырос в замечательного зверя, умного и послушного, хотя и страхолюдного на вид.

Аккуратно положив рюкзак у знакомого дуба, Иво прислонил к стволу толстый посох и повис на установленном тут же турнике. Полчаса упражнений, пятьдесят кругов вокруг рога-той живности, держась за собачью гриву, дальше – купание, пока скотина тоже наслаждается водицей, взятая с собой работа, обед, а если останется время, можно и почитать...

Программу удалось выполнить наполовину. Едва освежившийся пастух полез в рюкзак за деталями, как в кустах неподалёку чуть слышно зашуршало и... тот, кто шуршал, тут же оказался под прицелом обшарпанного, но вполне исправного револьвера.

– Ты грохочешь, как стадо кабанов! – издевательски заметил Иво, направляя ствол в голову отвратительного существа. – Точнее, беременных свиней!

Окажись здесь бродяга со сломанной челюстью, убедился бы, что предрассветный ужас всё же имеет лицо. Только закрытые глаза и оскаленный рот, точнее, пасть, не совсем такие, как у людей, и расположены немного по-другому. Увидев такое, сперва не осознаешь, что перед тобой, а с воем удерёшь лишь в следующее мгновение, которого у горе-разбойника уже не оказалось. Но пастух не отвернулся – слепому никакая образаина не страшна, и когда он наклонился над лежащей тварью, чтобы её поцеловать, не увидел, как та дёрнула головой. Поцелуй вместо щеки пришёлся в ухо, тварь подняла веки, сладко зевнула, со смехом завалила Иво на себя, впилась ему в губы и потянула вниз штаны...

– Обычно после бурной любви ты начинаешь поедать всё вокруг. А тут вдруг заснула.

– Устала чего-то! Ночью груз сопровождала, днём тренировка, пока ехала – толком не выпалась. То двигатель заглохнет, то в дебила на грузовике в тумане влетели – хорошо, на малой скорости, то на размытой дороге застряли, всей толпой автобус выталкивали. Вот и отрубилась. Но жрать хочется страшно. Если ты свой обед ещё не захавал, делись давай, а я поганок в лесу нарезала. Или ягнёнка зажарим, а в деревне скажем: волки съели!

– Колобок не позволит. Ограничимся поганками и моим обедом.

– Значит, съедим Колобка! – решительно заявила возлюбленная и в знак серьёзности своих намерений вогнала нож в дерево до середины лезвия. – А почему псюка помойная меня не встречает? Нюх потеряла? Сюда я против ветра шла, чтобы её обмануть, но он уже переменялся...

– Нюх в порядке. Просто у него скотина, которую нужно охранять, а ты, пока барана не режешь и хозяина не обижаешь, в число врагов неходишь. Так зачем зря копыта портить?

Висящее на турнике вниз головой существо фыркнуло, спрыгнуло на руки и ускакало в лес за сушняком. Притащило охапку, достало из рюкзака соль и спички, выдернуло из дуба нож, развело костёр и, не переставая болтать, принялось чистить грибы.

– Клиника есть, операции делают – девяносто пять из ста полностью удачные. Хотелось бы сто из ста, но так не бывает. За всё, включая операцию, десять тысяч лиардов.

Пастух вздохнул: в их дыре и пять сотен были суммой мифической.

– Не так много, как кажется! – пренебрежительно отмахнулась Дрена. – Половина уже есть, а вторую совсем скоро заработаю. Через год с небольшим будешь видеть. Светит финальный бой на пятёрку зараз.

– Пять тысяч одним махом? Это где ж у нас такие заработки водятся? Ты мне сама про ваши ставки рассказывала...

– Сейчас бабские драки входят в моду. Я выхожу в финал открытого чемпионата Орлеании, там совсем другие деньги.

– А допустят? – по-прежнему сомневался Иво. – Сложно представить девицу, с которой ты не справишься. Я бы на месте организаторов такую завернул. Придраться всегда есть к чему, а уж с тобой...

– Ни фига вы не понимаете в своей дыре! Я и большинство мужиков уделаю, но это шоу, где победительница определена заранее. И тут моё рыло самое то...

– Не понял.

– Специально для сельских пеньков объясняю...

– Для кого?! Получай!

Пущенный на голос крупный жёлудь шёл точно в лоб, но возлюбленная легко уклонилась, продолжая заворачивать грибы в заранее припасённый кусок толстой фольги и закапывать их в угли.

– Готовится шоу на тему красавицы и чудовища. Красоток-то полно, а вот такую, как я – пойди поищи! Доходим мы обе до финала, она любимица зрителей, я ночной кошмар. В финале продуваю, и обе получаем свои денежки: одна за победу, вторая за поражение. Хватит и на операцию, и на то, чтобы свалить куда-нибудь подальше из этогодохлого Жарнажа. Второе место в чемпионате Лиги – тоже очень неплохо, бои и заработок на пару лет обеспечены, так что не пропадём...

– А не обидно заранее проигрывать?

– Пофиг! Главное – деньги. Нам ещё и после операции жить на что-то надо! В Лютеции знаешь как всё дорого?! Или ты тут остаться решил?

– Ни за что! – красивое, почти девичье лицо передёрнулось от омерзения. – До сих пор не знаю, как выглядит наша дыра, и узнавать не хочу. Да и народ вокруг с ума сходит, все вдруг стали говорить, что священное пророчество вот-вот сбудется, а я...

– Его главный герой! – продолжила подруга, хихикая ещё противнее, чем обычно.

В последнее время эмигрантские газеты на все лады обсуждали пророчество Святого Гундия, хотя пока что и без имён. Она отлично понимала, что, когда назовут имя, места рядом с Иво для неё не будет. – Ну да: сиротка есть, чудище в наличии – вон зубищами класает! Остался суший пустяк – прозреть.

Иво нахмурился. Узнав о пророчестве, он резонно полагал, что оплатить операцию должны те, кто намерен воспользоваться его плодами, а не подруга детства, зарабатывающая на жизнь кулаками.

– Ведь операция не из самых дорогих, и богачей среди жертвующих монастырю хватает! Нет, собрали попов, заседали ладонь и порешили, что вылечиться я должен чудом! Но где в пророчестве это написано?

– Да денег они пожалели, жлобье поганое! Ничего, обойдёмся...

– Конечно. Ты и есть мое чудо... Ну-ка, давай сюда... Ой, ты всё время так голая и ходила?!

Разрезанный вдоль и переложённый огурцами, помидорами и ломтями копчёной баранины длинный батон исчез вместе с печёными грибами. За ними последовала охлаждённая в родничке неподалёку бутылка яблочного сидра. Идиллию прервало истошное верещание со стороны стада.

– Сусела поймал! – разъяснил Иво, опрокидывая в рот последние капли. – Они этим летом расплодились, а мяса у нас на такого проглотта не хватает. Всё больше кости, обрезки да каша. Вот собачек и охотится: обычно ночью, но иногда везёт днём нору разрыть.

Верещание не прекращалось – в норе проживало сусельное семейство с потомством. Пока Колобок насыщался, они успели покувыркаться в траве ещё раз и теперь отдыхали, предаваясь каждый своим мыслям. Отец и Мать припекали разомлевшую землю. Иво пристроился в кружевной тени дерева.

По правде сказать, планы Дрены, а особенно жизнь «после операции», вызывали у него большие сомнения. Он понимал, что стражи козлов и баранов в неведомой ему городской жизни не требуются. И сбором вилок-розеток не заработаешь, и переводчиков с вендского и альрамейского в стране избыток, а жить за счёт любимой женщины... И от того, что она готова отдать ему последний лиард, не легче.

Впрочем, выбора нет. Монастырские власти раскошеляться ради надежды грядущей Вендии не спешили – и вправду, что ли, ждали чуда? А оставаться в Жарнаже значит медленно гнить, как большинство его обитателей.

Возлюбленная жары не боялась – улеглась на самом солнцепеке, сквозь ресницы рассматривая золотой и алый диски. Жизнь после операции не обещала быть лёгкой, и даже не в смысле нехватки денег. Ведь когда Ивко прозреет, он узнает, как выглядит та, с кем дружил с детских лет, а потом и не только дружил...

Сколько она себя помнила, её домом всегда были стены монастырского приюта. Девочку подкинули к воротам обители, когда ей еще и года не исполнилось. В записке было коротко указано, что зовут младенца Дрена, мать её – вендка, посвящённая Истинной Церкви, ребёнок тоже посвящён, но воспитывать дочь она не может. И понятно, почему – при одном взгляде на малышку даже выдавших виды воспитательниц приюта брала оторопь, и они не раз спрашивали отца настоятеля, не чёрт ли навещал по ночам её мать? Тот отвечал, что, кто бы ни навещал, их задача – попытаться спасти душу сироты, ибо какая-то душа есть и у отродья нечистой силы. Но и сам отводил взор от жуткого лица.

Приютские детишки, напротив, сочли, что травить такую страхолюдину дело вполне праведное, но после дюжины выбитых зубов, семи сломанных носов и трёх вывихнутых рук оставили в покое. Для воспитателей же сообразительная девочка проблем не представляла. Местное население на её отлучки не жаловалось – в огороды Дрена почти не залезала, всё больше в лесу промышляла. А раз так – стоит ли мешать ребёнку жить в своё удовольствие? Сорвётся со скалы или волк заест – так, может, оно и к лучшему. Невинная чистая душа почти наверняка отправится напрямиком в рай, не успев осознать всей меры своего безобразия.

Ивко стал единственным из приютских, кто не делал различия между Дреной и остальными. Удивления это не вызывало – он не видел её лица. Маленькое страшилище привязалось к единственному другу, как собачонка. В четырнадцать лет она осознала природу своего чувства, пообещала вернуть любимому зрение и сбежала – не очень представляя себе, что ждет её в большом мире, да и как он выглядит.

Скорее всего, так бы и пропала или пополнила собой цирк уродов, но повезло – на вокзале висела яркая афиша, зовущая на вольные бои. В приюте повздыхали, но поневоле смирились. Дрена исправно по праздникам навещала монастырь, выстаивала службы и даже делала небольшие пожертвования. Все, конечно, понимали, что влечёт её сюда, но не препятствовали: кому ещё, кроме друг друга, были нужны два обездоленных существа?

Потом девушка на полгода исчезла и вернулась за несколько дней до выпуска новой партии приютских, достигших пятнадцати лет, среди которых был и Иво. Приехала встрёпанная, очень злая и, против обыкновения, провела в монастырской гостинице аж десять дней. Именно тогда и случилась знаменитая встреча с отцом Риптиосом, история о которой до сих пор у братии чрезвычайно популярна и регулярно вспоминается за бутылочкой жарнажского.

Страдавшего непреодолимой тягой к смазливym мальчикам монаха давно бы погнали из обители, но блудодей был сыном одного из богатых спонсоров, который и спровадил отпрыска в монастырь из-за этого, крайне непопулярного среди вендской эмиграции, греха. Одни мальчишки от него бегали, другие – нет, и с помощью отца любвеобильного слуги божьего неплохо устраивались во взрослой жизни. Иво, несмотря на свои пятнадцать лет, отличался истинно детской наивностью, и когда после выпуска из приюта батюшка пригласил его в келью, дурного не заподозрил. Риптиос дал шоколадку и объяснил, что в древние праведные времена отроки-

дружинники прежде, чем первый раз выйти на поле брани, проходили особый обряд с проверенным ветераном. И он, как юный воин, идущий в бой за царя и веру, тоже должен...

Вдохновенная речь оборвалась на самом возвышенном месте. Таких воплей старые монастырские стены не слышали и в те самые древние праведные времена, когда здесь пытали еретиков. Уже задрав рясу и спустив трусы, проверенный ветеран получил ботинком с железным носком прямо в готовый к употреблению орган. После чего Дрена схватила любимого в охапку и вытащила в окно, через которое и проникла в келью. И вовремя: в дверь уже вбегал первый из услышавших крик монахов.

Часом позже, когда они сидели в роще, Иво всё же потребовал объяснений: зачем подруга учинила такое во время древнего обряда?

– Да потому, что никакой это не обряд!

– А что? – не отставал дотошный выпускник.

– Тебе как объяснить? – съязвила Дрена. – На словах или на деле?

– Давай на деле!

Новые знания настолько понравились надежде монархической эмиграции, что он захотел получать их ещё, и почаще. Что и происходило при каждой встрече, а сегодня уже третий раз.

Отвалились друг от друга как раз, когда писк на поляне прекратился.

– Во, дочавкал уже, – фыркнула Дрена. – Пойду здороваться. Эй, собака бешеная – а кому тут меня поймать слабо?!

Страж стада не отреагировал на подначку и с нарочитым равнодушием ожидал в охраняемой зоне. Едва нарушительница шагнула за невидимую черту, двухсоткилограммовая туша рванулась на неё, сбивая с ног, но проскочила мимо. Через мгновение Дрена распласталась на мощной холке, обвивая её ногами, а руками захватывая в замок почти полуметровые челюсти. В прошлый раз приём удался, однако сейчас умный и существенно подросший зверь оказался настороже. Резко опустив голову вниз, Колобок повалился на бок, скидывая восторженно визжащую наездницу. Оба вскочили одновременно, но девушка успела скользнуть под брюхо пса, вздёргнула его на плечо, швырнула спиной о землю и сама полетела кувырком, снесённая ударом задних копыт...

Пока влюблённые радовались жизни на пастбище, в обители Святого Гундия их судьбу в очередной раз обсуждали отцы Церкви и биржи.

– Насколько выросла собачка? – поинтересовался глава фонда имени себя и бывший посол Кандианы в Джамхире Натаниэль Оназис. – Радужные псы достигают полного роста к двум годам, а дальше лишь матереют.

– В холке почти по грудь рослому мужчине, – отрапортовал настоятель. – По деревням шепчутся о жарнажском ужасе. Уже из столицы журналисты приезжали.

– Замечательно! – Оназис сделал какую-то пометку в своем знаменитом блокноте. – А что наш пастушок? Надеюсь, он сохранил свою ангельскую красоту и непорочность? Вы обещали вызвать их в обитель – юношу и священника, у которого он живёт.

– Мы ждали их ещё утром, но не дождались. Тогда я послал в Жарнаж одного из братьев – тот вернулся ни с чем. Как выяснилось, вчера вечером отец Епикалис... есть у него определённые недостатки по части винопития... Собут... свидетели говорят, что он пошёл прогуляться и домой не вернулся.

– Ищут?

– Пока нет. Обычно в таких случаях он сам приходит. Прискорбно... но кто ещё согласится нести служение в таком захолустье, как Жарнаж?

– А пастух?

– Погнал утром стадо, как обычно. Я послал на поиски Кузяра, он передаст повеление идти в обитель и постережёт стадо.

Оназис нахмурился и побарабанил пальцами по столу. Вечером у него планировалась важная встреча в Лютеции, но время пока терпит. Сглаживая неловкость, первосвященник Амфитрохис указал Пантазиосу на стол, и тот достал из ящика пухлую папку.

– Отец Епикалис регулярно присылает нам отчёты о жизни и поведении своего подопечного. Может быть, вы захотите с ними ознакомиться?

Ещё в школе тайный покровитель Иво и Колобка за день с лёгкостью одолевал несколько глав учебника и на следующий день бойко пересказывал их учителям. В университете он столь же мгновенно впитывал длинные лекции, а в коммерции – сложнейшую бухгалтерию и запутанные биржевые прогнозы. Вспоминая, сколько времени уходит на возню с документами, первосвященник Истинной Экзепристской Церкви в изгнании, владыка Амфитрохис не без зависти наблюдал за гостем. Оназис за секунду проглядывал очередной лист, иногда пометая его непонятным значком, и папка просмотренных бумаг росла на глазах. Неожиданно банкир рассмеялся и начал с выражением читать вслух:

«С прискорбием довожу до Вашего Благолепия, что вверенный моему попечению отрок Иво Преглич вступил в греховную связь с богомерзкой бесовкой Дреной Сирчевой на чердаке моего дома. От их утех на чердаке ужасный шум поднялся, нас с матушкой разбудив. Подумали на разбойников, но увидели кровать его пустую, и всё поняли. Я на чердак со свечкой поднялся, однако бесовка в окно выскочила, а отрок даже на исповеди грех отрицал. На мои же укоры возразил, что между ними никакого блуда нет, одна чистая любовь».

– Замечательно! Что же это за бесовка такая развратила нашего ангелочка?

Первосвященник вздохнул с видом мученика. Возня с исполнением пророчества надоела ему хуже ежегодного сбора с постоянно жалующихся на оскудение приходов.

– Девица из монастырского приюта, уродливая видом и гадкая норовом. Ни один зрячий бы такой не соблазнился, и она, понимая это, вступила в связь с нашим пастушком. Я велел им не препятствовать. Юноша вполне созрел, и как бы не учудил чего-нибудь нежелательного. А Дрена, хоть и живет в Лютеции и занимается богомерзкими бабскими драками, отвратит его от прочих соблазнов, а поскольку страшная на вид, то и дурную болезнь не принесёт.

Оназис неодобрительно хмыкнул. Женские бои вызывали у рафинированного финансиста отвращение, как и дамы, участвующие в них. Впрочем, владыка прав, а у него одной заботой меньше. Он думал свести Иво с какой-нибудь проверенной пейзанкой, но раз всё уже совершилось, так пусть и продолжается.

Дальнейшую идиллию вершителей мировых судеб прервал ворвавшийся в дверь послушник, державший за руку мальчишку. Тот сперва оцепенел, увидев столь высокое духовное лицо, потом, задыхаясь, зачастил: «Ваше... ваше...» – не зная, как величать первосвященника, и лишь после нетерпеливого тычка начал рассказывать. По мере того, как он говорил, лица почтенных отцов бледнели. Наконец, Амфитрохис коротко бросил: «Собирайте братию!» и быстрыми шагами вышел из кабинета. Высокий гость чуть помедлил, и, слегка усмехнувшись, двинулся за ним. Визит оказался куда интереснее, чем он думал. В конце концов, встреча может и подождать.

– Здоровый, гад! – пожаловалась вывалившаяся в траве, вылизанная с головы до пяток и кое-как отмывшаяся в реке Дрена. – Я пока шла, прикидывала: потяну ли с таким по-настоящему? Без ножа дохлый номер! А говоришь, впроголодь живёт!

– Ему, кроме нас, хозяйева скотины кормёжку приносят. Но он же растёт ещё, вот и метёт всё подряд: суселов, крыс, мышонка не пропустит, грибы очень любит. Три дня назад волка, вышедшего на стадо, целиком употребил. Ну, и падаль всякую...

– А тебе-то на жизнь хватает?

– Много ли мне надо? Живу у отца Епикалиса, ему за меня монастырь доплачивает. Ещё хозяйева скотины подкармливают да денежку малую дают. А теперь, видишь: вилки с розетками собираю. У компании благотворительная программа – рабочие места для инвалидов. В цеху

собирать дешевле, чем слать по почте детальки, зато налоги меньше, и реклама – то и дело газеты пишут.

– Ты собирался выяснить про родительские деньги...

– Выяснил. Братья-гундиты отписали, что всё потрачено на меня. Часть, наверное, украли – но как теперь проверить?

– Точно спёрли! Но всё же кормили тебя, пока работать не начал. Книжек специальных навезли с пупырьками, учили всякому... Я уже и сама читать начала, а то и жениться не захочешь на дуре необразованной!

– Толку от того образования! Ну, знаю я три языка – с кем мне здесь на них разговаривать? С козами? – мрачно возразил Иво и начал аккуратно раскладывать на большом куске клеёнки детали розеток. – И какой мне толк от вендской истории и Священного Писания? Лучше уж гаечки крутить...

Некоторое время Дрена наблюдала, как длинные тонкие пальцы доведёнными до автоматизма движениями вкладывают металлические внутренности в пластиковые корпуса и соединяют каждый винтиком и гайкой. На секунду в её глазах блеснули слёзы, но жалеть друг друга вслух слепой и уродина давно перестали.

– Не дрейфь! Работу мы тебе найдём! На подиум пойдёшь, в модных костюмах гулять! Или сдам тебя напрокат какой-нибудь богатой старухе. За такую мордочку и фигурку она даже заначку на похороны отдаст. Ну, а как ты пойдёшь выпить с друзьями, чтобы подозрений не было, я к бабке в спальню и загляну... Короче, хорош ныть! Говорила уже: пока деньги есть у меня, они есть у обоих! Расскажи лучше, чего в вашей дыре весёлого случилось?

– Прямо вчера и случилось: Епикалис пропал! Пришёл домой на бровях и решил добавить наливкой матушки. Любимой, вишнёвой, которую она позволяла не более чем по рюмочке с чаем, по большим праздникам! И пробку отковыривает Священным Жерновом! Бабанька за метлу схватилась, а батюшка сбежал...

– Жернов, говоришь? – хлопнула себя по лбу Дрена и вытянула из кармана цепочку. – Не этот, часом? То-то, гляжу, он весь покоцанный...

– Откуда он у тебя?

– Докопались по дороге двое, я их вырубил и у одного нашёл. Поцарапанный, словно и вправду им бутылки открывали. Может, встретили по дороге старика, ограбили, и лежит он где-нибудь...

Иво ощупал кругляш, почти сразу нашёл знакомую зазубрину от сотен греховно вскрытых сосудов, а затем и выпуклые цифры номера.

– Вроде он... Где, ты говоришь, их встретила?

– Там, на дороге, ещё утром.

Взволнованный пастух вскочил на ноги.

– Так они и убить его могли или покалечить... Надо сообщить в Жарнаж. Вот что: я пойду в деревню, дорогу знаю, а стадо зверь постережёт, ну и ты приглядишь... Только сама, если кто придёт, лучше исчезай, мало ли что – знаешь ведь, как добрые поселяне тебя любят. Ещё заявят в полицию, что отродье Тарантоса святого отца умучило.

– А про знак что скажешь – откуда он у тебя?

– Скажу: Колобок принёс.

Идти в деревню не пришлось. Не успел Иво отойти от пастбища, как у пруда появился Кузар с повелением идти в монастырь. Осознав ситуацию, он справедливо решил, что гундиты подождут, и отправился назад – зрячий, хоть и старик, всё равно дойдет быстрее. Взволнованный егерь не нашел ничего лучшего, как заявиться прямо к матушке, на крик которой сбежалась вся деревня. Гостившего у Дони племянника срочно отослали гонцом в обитель. Тем временем находка знака превратилась в головах селян в полноценный труп Епикалиса, убитого неведомыми злодеями и закопанного незнамо где.

Через час на пастбище появились все мужчины Жарнажа и, сверх того, все имеющиеся в наличии монахи, кроме больных и немощных. Первосвященник и настоятель прибыли на лимузине Оназиса вместе с самим финансовым гением, шофёром и двумя охранниками, а Кузяр привёл свою лучшую легавую суку. Собака, пущенная по следу, понюхала воздух и поволокла хозяина к краю пастбища. Как оказалось, не зря – из кустов навстречу поисковой группе появился потрепанный отец Епикалис.

Наливочка, наложенная сверху на самогон, оказалась в роли той самой вороны, что, усевшись на выюк, сломала спину верблюду. Получив от матушки метлой по хребту, батюшка обиделся и пошёл куда глаза глядят, пока те не привели изнемогающее тело к скирде прошлогодней соломы, где он и заночевал. Увидев бесчувственного божьего слугу, залётные мазурики беспрепятственно обчистили его, прихватив и жернов, и мелочь из кармана. Ну а их уже спугнул Колобок (про Дрену Иво, естественно, не сказал). Кузяр с легавой добрался до места побоища, которое определили по сломанным кустам, и резвая сучка потянула поводок к выходу из ущелья...

Представив себе, какое впечатление на орлеанских чиновников в Герэ произведет нашествие вендских монахов с высокими духовными лицами и одним из богатейших людей Лиги, первосвященник повелел двигаться обратно. Уползли воры – и чёрт с ними.

Однако вечером городские власти явились сами. Монастырское стадо как раз возвращалось с выпаса, когда в рогатую и мычащую гущу вклинился отчаянно кашляющий и дымящий казённый автомобиль. В нём озабоченно восседали заместитель мэра и начальник полиции. Дело, казалось, не стоило выеденного яйца, но требовало разъяснения.

Двумя часами раньше в больничку Герэ приковыляли, стеноя и хватаясь друг за друга, двое бродяг. У одного обнаружили перелом руки и нижней челюсти, у другого тоже перелом, но двух рёбер и тяжёлый ушиб живота. Первый, понятно, говорить не мог. Второй же, падая на руки санитаров, успел прохрипеть, что по дороге из деревни на них набросилось чудовище! Директор больницы, как положено, доложил в полицию. Впрочем, чего гадать – чудовище в окрестностях имелось одно-единственное. Начальнику полиции было плевать на побитых – чем больше таких передохнет, тем воздух чище. Но если зверь принялся нападать на людей, он ведь может и не ограничиться одними бродягами.

Высокая коллегия снова направилась в Жарнаж, где чиновникам предъявили Епикалиса и символ его сана. Поскольку духовный отец деревни в своих странствиях успел где-то приложиться головой, версия нападения и ограбления не вызвала возражений. Равно как и то, что благородный Колобок защищал пастыря. Удивляло другое.

Помощник мэра издали осмотрел жарнажского монстра, слегка сбледнул и обратился к начальнику полиции:

– Не понимаю... Каким образом он нанёс такие повреждения? Лапами? Головой? И почему он не пустил в ход зубы?

– Ну, теоретически копытами мог... – оценил зверя опытный криминалист. – Одного в брюхо, другому по башке... Но как он ему руку сломал? Разве что наступил, когда тот уже на земле валялся...

– А если это ангел сделал? – проникновенно предположил юный страж жарнажского стада.

– К-какой... ангел? – заикнулся от неожиданности настоятель.

– Ну... небесный защитник батюшки... Вы же сами нам на уроках говорили, что у каждого такой есть... И я чувствовал чьё-то присутствие... Кого-то необычного...

– Ты правду говоришь, чадо? – уточнил первосвященник.

– Как я могу Вам лгать, Владыка? – удивился Ивко.

Он и говорил чистую правду. Кто бы, даже с похмелья, назвал Дрену кем-то обычным?

В итоге в монастыре заночевали все: и чиновники, и Оназис, который откровенно развлекался происходящим, но, как и положено деловому человеку, использовал его наилучшим образом. Он отправил секретаря в Герэ, приказав отменить встречу и немедленно обзвонить все крупнейшие редакции Лютеции. И, едва рассвело, автобус – не раздолбанный городской, а новый, мощный и принадлежащий одной из компаний Натаниэля, привёз в Жарнаж полтора десятка журналистов столичных газет и радиостанций. Те ураганом прошли по монастырю и деревне, опросили всех, кого встретили, наделали кучу снимков пастуха, священника и терпеливо сносящего неожиданное бремя славы Колобка. Потом переместились в Герэ и взяли в осаду больницу

Покалеченные бродяги, получив несколько монет, быстро сообразили, что от них требуется, и на все лады живописали зверя, который вышел у них каким-то уж совершенно невообразимым выходцем из свиты Тарантоса. Сперва они отрицали нападение на священника, но, когда преисполненный благодати отец Епикалис заявил, что всех прощает, а начальник полиции обещал не возбуждать дело, признались в бесовском соблазне.

Прошла ещё пара ладоней с небольшим, и на пастбище возобновилось изучение древних обрядов. Сегодня ученик и учительница были в ударе. Последний раз они достигли блаженства, висая на перекладине турника. Школяр любви подтягивался на обеих руках, а наставница на одной правой, используя левую для поддержки и направления. Притомившись, оба упали в траву вкушать духовную пищу от орлеанских газет. Те живописали происшествие в Жарнаже по-разному: кто взахлёб, кто скептически, но равно далеко от правды.

– Долго ещё? – спросил Иво, изнемогая от смеха.

– Один листок остался, – простонала охрипшая и побагровевшая Дрена. – Но самый смачный: «Вендская корона».

«И когда душегуб уже занёс топор над головой коленопреклонённого священника, Иво, сверхъестественным образом предвидя злодейство, послал прирученного им монстра на помощь своему духовному отцу, а сам бросился на колени в молитве, чтобы не дать питомцу отведать человеческой крови. И свершилось чудо. На месте преступления возник ангел-защитник, вооружённый боевым посохом. Могучими ударами он раскидал злодеев, а жернов батюшки вложил в пасть примчавшегося зверя и послал того в деревню. Добрые поселяне Жарнажа успели помочь своему пастырю, и теперь он вне опасности. Таково первое чудо слепого пастуха. И мы говорим вам: то ли ещё будет!»

Часть 2

3923 год от Второго пришествия Экзепра

Глава 4

Народный Союз, столица республики Неврида город Самватар

– Ах-xxx!

Стадион выдохнул одной гигантской грудью. Нападающий «Самватара» изо всех сил ударил по воротам, обманутый хитрым финтом вратарь «Горняка» метнулся в противоположную сторону, и... штанга!

– Косой! Мазила! Баран кривоногий!

Финальный матч футбольного чемпионата Невриды подходил к концу со счётом 2: 2. До сирены оставались считанные минуты. Клубы столицы Невриды и треста «Невридауголь» знали тактику друг друга, как свою раздевалку, и ни один не мог взять верх. Трибуны кипели. Пивные бутылки, огрызки, рваные ботинки и прочие снаряды летели на поле градом. По воздуху пронеслась даже раскрученная за хвост дохлая кошка. Каждый метатель стремился перекинуть боеприпас через ограждение и тем обессмертить себя в глазах друзей.

– У «Горняка» одни чёрные в команде, – зло бросил немолодой мужик с седыми мохнатыми бровями и в сердцах скомкал кепку «Самватара» с силуэтом красной зубчатой башни. – Будто и не шахтёры!

– Их вообще-то в республике почти половина, – сосед по трибуне тоже болеет за столичную команду, но старается быть справедливым. – И в шахтах они работают.

– В шахтах?! Да я сам под землёй тридцать лет отпахал! Как в забой спускаться, их раз, два и обчёлся, сплюшняком венды. Зато в конторах смоляные, и в лавках тоже, и менты из них же. Племяш мой, Драго, всего-то пару чёрных морд набок своротил, так второй год сидит. А чтоб черножопого посадили, надо... Да мать их через ногу раком!!!

На предпоследней минуте защитник «Горняка», перехватив мяч, неожиданно рванул вперёд, проскочил за спинами соперников, прорвался к воротам «Самватара» и таки забил долгожданный гол.

– Суки! – небритая физиономия бывшего забойщика стала даже не красной, а лиловой. – Рукой принял, рукой! И здесь им подсуживают!

Вокруг истошно орали и ругались. Самые ретивые ломанулись прямо на поле, но там их уже ждали. Милиционеры с популярными в Лиге и входящими в моду в Союзе щитами и дубинками стояли двойной цепью за переносным железным заграждением, сзади разворачивали пожарные шланги. Прорваться было нереально, и болельщики повалили к выходу, кляня судей, игроков и друг друга. Одни, рысью промчавшись запретную версту, разбрелись по ближайшим забегаловкам, другие двинулись к обширному пустырю за стадионом, поросшему чахлой травой и окаймленному хлипкими кустиками. Лет пятнадцать назад, когда вспыхнувшая в Лиге мода на роликовые коньки перекинулась на Союз, здесь думали построить крупнейший в мире крытый скейтинг-ринг. Но пока собирались, проект дошёл до товарища Хроевича, а тот объявил его очередной гримасой растленной вражеской культуры. Вождь запретил стройку и оказался прав: мода быстро схлынула, оставшимся любителям хватило покатушек в парках, а казна избавилась от расходов на гигантское бессмысленное сооружение.

Теперь на пустыре назревал традиционный массовый мордобой, в стиле той самой драки, за которую досиживал срок бывший матрос линкора «Заря Свободы» Драгомир Рудый. Среди фанатов проигравших преобладали белые, а среди торжествующих сторонников победителей – наоборот. Сценарий побоищ давно сложился явочным порядком. Пришедшие на матч с целью прежде всего почесать кулаки компании горланили заводные речёвки типа: «“Самватар” – молодец! “Горняку” – настал трындец!» – и бодро расходились по разным сторонам пустыря. По дороге к месту сражения обе толпы распухали за счёт одиночных болельщиков и просто

окрестного хулиганья. На пустыре неформальные, но всем известные вожаки формировали из толпы подобие старинного воинского построения с самыми крутыми бойцами в первом ряду, и начиналось... Насмерть забивали редко, но без сломанных рёбер и носов да свёрнутых челюстей никогда не обходилось. Не говоря уж о подбитых глазах и вышибленных зубах.

Высокий, светловолосый, слегка прихрамывающий парень в кожаной куртке и тёмных очках в фанатском строю бился не раз, но махаловки пьяной гопоты ему давно надоели. На стадион криминальный обозреватель газеты «Юность Самватара» Станомир Белич прибыл, подменяя приболевшего коллегу из отдела спорта. На поле его, фотографа и корреспондентов других изданий пропустили без проблем, однако тренер «Невридаугля» кинулся наперерез, словно насадка, защищающая цыплят.

– Пожалейте ребят! Такой матч отыграли, куда им сейчас ещё с прессой разговаривать! Меня спрашивают, на все вопросы отвечу!

Стано вздохнул, раскрыл блокнот, но вдруг застыл, подобно изваянию, и уронил на землю ручку. Героя матча уже сфотографировали, и теперь перед камерами красовался небольшого роста темнокожий игрок, который не забил ничего и вообще, похоже, был из вечных запасных, лишь изредка выпускавшихся на подмену. Гордо поставив ногу на мяч, он воздел руки к небу, и кто-то таки навёл объектив...

Белич был уверен, что уже видел этого человека, причём в точно такой же позе, но где?! Неужели...

– Снимай его! И вон того, здорового, рядом! – прошипел журналист фотографу и двинулся к тренеру, прикидывая, как половчее выведать фамилии героев будущей публикации. Где речь должна была идти далеко не об одном футболе.

Со стадиона он направился в кондитерскую, потом, с купленной шоколадкой, в центральную городскую библиотеку. Долго рылся в подшивках старых газет, нашёл нужную и двинулся на поклон к древней хранительнице фондов. Раньше старушка работала в детской библиотеке, привечая маленького Стано за любовь к чтению и аккуратное обращение с выданными книгами. И хотя правила строжайше запрещали раскурочивать подшивки и тем более уносить газеты домой, мольбы и шоколад сработали. Теперь можно перевести дух и расшифровать интервью наставника чемпионов за стаканчиком чего-то освежающего. Хотя бы вон в том маленьком, уютном и, наверное, тихом кафе...

Насчёт тишины предчувствия обманули – вскоре примостившийся за развесистым фикусом Белич услышал, как за столом возле выхода приземляется шумная и уже где-то набравшаяся компания. Затем в уши ржавым шурупом ввинтился высокий, надрывный и до отвращения знакомый голос.

Обрушатся стены извечной тюрьмы,
Паденьем своим убивая невзгоды,
Из рабского мрака поднимемся мы
Под солнце великой свободы!

Заткнулся, наконец? Ещё чего! Вслед за декламацией рифмованных строк началось их бурное обсуждение – снисходительный дребезжащий баритон поинтересовался, как это стены в своём падении могут убить невзгоды.

– Вы не понимаете! Это метафора! – воскликнула с обожанием глядевшая на автора худая, трагического вида девица, укутанная оранжевой шалью.

– Это мефта... метфатора, идиот! – Поэт в модном, но потрёпанном и с жирными пятнами клетчатом пиджаке опрокинул в себя очередную рюмку водки, явно не то что не первую, но даже и не десятую.

– А почему из мрака непременно нужно подниматься? – явно издевался критик.

– Потому что тюрьма в подвале! – воскликнула невысокая пухленькая тётка в зелёном костюме, из которого она явно выросла в ширину. – Как можно такого не понять?!

– Т-ты тупица! – снова подал голос сочинитель, морщась от презрения к придире и тряся блондинистыми сальными патлами по краям обширной лысины. – Пошлый т-тупица, без мефатор! Мне душно рядом с тобой! Я хочу на воздух!

От попытки встать метафориста занесло, и он замер, вцепившись в спинку стула, кое-как поддерживаемый тощей девицей. Высокий и пузатый, обличитель рабского мрака оказался вдвое с лишним тяжелее спутницы, тётушка в зелёном только путалась под ногами, а критически настроенный, довольно хилого сложения собутыльник сам так набрался, что не мог подняться.

– Помогите! – истерически взвизгнула оранжевая и, не найдя поддержки среди прочих посетителей, повернулась к Станомиру. – Молодой человек, ну что же вы смотрите?! Он сейчас упадёт! Это же Звёздный! Сам Гвидо Звёздный!

Журналист странно ухмыльнулся и поднялся с места. Небрежным жестом закинул руку алкаша себе на плечо, поклонница подпёрла с другой стороны, и общими усилиями увесистую тушу вытащили на скамейку перед кафе. После чего Белич решительно сунул его лицом в урну.

– Что вы делаете?! – ужаснулась выскочившая следом толстушка.

– То, что надо, – разъярил журналист. – Там ему самое место, а иначе...

Тем временем оранжевая барышня изъела поэтическую голову из урны, стихотворца вывернуло ей на платье, несчастная с воплем отскочила в сторону, а объект обожания рухнул со скамейки и остался лежать.

– ... Это я как раз и имел в виду, – невозмутимо закончил Стано. – Что ж... в творце всё должно быть прекрасно: и душа, и тело, и блевотина.

– Злой вы! – возмущённо пискнула зелёная дама. – Такой красивый и такой злой! А ведь вы с ним похожи! Как...

– ...Рабский мрак на свет свободы, – во, самого на лирику пробило! – Разумеется, я его незаконнорожденный сын и сейчас, наконец, нашёлся!

Желание работать пропало напрочь, репортёр вернулся в кафе, расплатился и решил пройтись пешком. Он соврал: Гвидо Звёздный, по паспорту Кадо Белич, приходился ему совершенно законным папашей, только что представшим перед отпрыском в своём традиционном виде.

Возможно, когда-то родитель и бывал трезвым, но память сына столь редкой картины не сохранила. Трудясь на фрезерном станке, отец, как и прочие работяги, принимал в меру, но, в отличие от них, пописывал вирши в заводскую многотиражку. В один несчастный день стихотворение, сочинённое к юбилею завода, попало на глаза председателю саматарского отделения Союза писателей. Тогда, с подачи неугомонного товарища Хрноевича, как раз началась кампания по вовлечению в литературу трудовых масс. Издаются, понимаешь, сплошняком потомственные филологи, страшно далёкие от народа! А где авторы из цехов и с полей?

Попав в обойму «народных поэтов», Белич-старший немедленно получил доступ и на журнальные страницы, и в издательства. Со станком быстро покончил: дурак он, что ли, корячиться, когда лёгкая денюга попёрла? Зато начал украшать президиумы торжественных заседаний и богемные вечеринки. И постоянно выезжать на встречи с читателями, проходившие на заводах и в сельских кооперативах. Каждая такая встреча завершалась обильным возлиянием, ну, а богема – она и пустынную ящерницу споит. Хотя колючая тварь вообще не пьёт.

Платили за стихи о боевых подвигах и трудовых свершениях неплохо, но всё исчезало в кабаках и у любовниц. Жене и детям от тех гонораров доставались мышкины слёзки. О семье Кадо вспоминал, в основном набравшись. И неизменно приходил к выводу, что такая семья его категорически не устраивает. Жена – маркировщица на заводе... тьфу! Такой ли он достоин? Если бы не эта тупая курица, он бы с его талантом... ого-го-го! Такую бы кралю отхватил! Да

и потомство в мамашу: у старшей дочки одни парни на уме, сынок – шпана дворовая с наглой рожей. Никакого уважения к отцовскому гению!

Давно бы свалил от таких, но чревато. Горком партии продвигал его именно в качестве творца от станка, чья праведная личная жизнь была противопоставлена постоянным разводам гнилой творческой интеллигенции. Посему первой сбежала дочь, подцепившая себе какого-то жлоба из торговли, а отцу семейства как раз пришлось остаться. Впрочем, обязанности перед семьёй особо не обременяли. Наставив синяков жене и отвесив оплеуху сынуле, великий поэт с чистой совестью уходил на встречу с собратьями по перу или к очередной бабе.

Неудивительно, что мальчишка и вправду рос той ещё шпаной! Лупил пацанов из враждебных стай, бил окна, покуривал в школьном туалете, на физкультуре подглядывал в девчоночью раздевалку... И мучительно завидовал одноклассникам, которым родители не отказывали ни в деньгах на развлечения, ни в модных шмотках. Только исключительное везение уберегло его от спецшколы. Один раз магазин с вином обнесли, а тут сторож – еле удрали. Другой раз угнали машину покататься, врезались в столб. К счастью, в подростковом клубе открыли секцию вольных боев, куда Стано и пошёл, даже отказавшись от курева. Драться он любил и так, а у спортсменов житуха красивая, поездки на соревнования за границу, призовые деньжата и всё такое... Да и папаше начистить рыло надо. Только всё не получалось, у Кадо начался длительный роман, и он надолго исчез из квартиры.

Мечта юного спортсмена воплотилась, когда ему исполнилось семнадцать – правда, не совсем так, как он представлял. Разругавшись наконец с любовницей, отец вернулся к семейному очагу. Когда сын явился с тренировки, заветную материнскую бутылку уже приговорили, а сама мать с сияющим лицом хлопотала, изобретая закуску из скромного содержимого холодильника.

– О, сынуля! – радостно возгласил блудный предок. – Сгоняй-ка за виньячком!

– Сам сбегаешь, не барин! – огрызнулся будущий чемпион.

– Я, я схожу! – заторопилась мать, понимая, что добром перебранка не кончится.

– Нет! – бешено каркнул сын. – Ты останешься! А этот пойдёт туда, откуда припёрся!

– Ты! Меня! Из моего дома! – хлопнула, разбиваясь об угол стола, бутылка, и на месте вдохновенного стихотворца воздвигся суровый пролетарий с «розочкой» в руке. – Урою, выблядок!

Сбежавшиеся на крик матери соседи оттащили Белича-младшего от измороженного папаши, так что тот отделался лишь разбитой физиономией, четырьмя сломанными ребрами и вывихнутой рукой. Сын, по причине высокой бойцовской квалификации, даже синяков не получил, но «розочка» была налицо, и никаких неприятностей от подъехавшей милиции для победителя не ожидалось.

Однако единственным свидетелем начала драки оказалась супруга пострадавшего, и она безоговорочно стала на сторону мужа, заявив, что Стано начал первым. И вообще, после своих побоищ он всегда приходит домой какой-то бешеный. Горлышко с острыми краями? Да что вы! Это бутылка со стола упала, никто ей драться не собирался!

Как раз тогда в стране началась очередная борьба с вражеской модой и танцами, заодно решили запретить вольные бои, а тут такое! В «Юности Самватара» вышла большая статья о том, как кровавый буржуйский спорт развращает молодёжь, делая из неё зверьё, для которого нет ничего святого, даже семейных уз.

«Зверь» написал письмо в газету, ответа, естественно, не дождался и после суда отбыл в колонию. Так бы и отмотал пять лет, если бы невольно не помог сам батя. Кто-то из троих собутыльников во время очередного литературного дебоша толкнул мать, она ударилась виском об угол стола и скончалась на месте. Виновного следствие так и не нашло, списали на несчастный случай, но бывший защитник осуждённого Стано, пожалев парнишку, шанса не упустил. Тем более с приходом чуждого тупым запретам Грдамича бои снова разрешили.

Организовав пересмотр дела, адвокат нарисовал на судебном заседании живописный портрет надежды невидской поэзии, а вызванные в качестве свидетелей соседи его ещё и раскрасили. Бойкая старушка, которую не допросили изначально (на следующий день после расправы над поэтом она сама угодила в больницу с язвой), даже поклялась, что слышала, как потерпевший обещал урыть подсудимого.

Вмешайся горком и Союз писателей, не помогли бы и показания бабки, но они остались в стороне. Кадо всерьёз возомнил себя гением и, поощряемый дружками-прилипалами, окончательно пошёл вразнос. Увещевания не помогли, и после скандала с гибелью жены пьянчугу перестали печатать. Препятствовать освобождению Станомира при таком раскладе ни у кого желания не возникло. В то же время объявлять узника невиновным тоже не хотелось. Ведь тогда выходило, что его посадили ни за что, а это подрыв авторитета суда!

Посему непочтительному сыну сократили срок до отбытых двух лет и выпихнули прямо с судебного заседания на свободу. Точнее, на улицу, поскольку папочка, лишившись привычных лёгких денег, успел продать квартиру. Подавать иск с целью признания незаконности сделки представлялось гиблым делом, как и вся дальнейшая жизнь. В потасовке на зоне повредили ногу – путь в спорт отрезан. Но прежде чем думать, что делать дальше, следовало прояснить один принципиальный вопрос.

– Как бы мне найти Мирцу Овиеву?

Эффект от совершенно невинной фразы в приёмной главного редактора «Юности Самватара» оказался совершенно неожиданным. Беседовавшая с симпатичной смуглянкой упитанная бесцветная прыщавая девица дико завизжала и кинулась в кабинет шефа, отпихнув с дороги собеседницу. Да так, что та пролила на блузку кофе.

– Мирца, ты дура?! – взвыла облитая красотка.

Вопли из кабинета вскоре прекратились. Оттуда высунулся потрёпанного вида сутулый мужчина в очках, судя по цвету лица, весьма склонный к употреблению горячительных напитков, хотя и не на уровне Белича-старшего. Оглядел гостя, горестно вздохнул и пригласил зайти. Бесцветная проскользнула за его спиной и с топотом умчалась по коридору.

– ...Она меня даже не видела! Не пришла, не спросила, что произошло! Ей кто-то что-то наплёл, может, папашины собутыльники, она и написала, а вы, не проверив, напечатали!

Редактор безнадёжно махнул рукой:

– Наплети собутыльники, она бы непременно всё проверила. Но это был заказ от горкома и Союза писателей. Передали материалы, назвали дату суда и велели сразу после приговора в номер – как тут успеешь разобраться? Мирца ходила на заседание и написала. С общением у неё не очень хорошо, зато перо бойкое, по готовым фактам первый автор у нас...

Оба замолчали, и вдруг хозяин кабинета оживился.

– Слушайте, я ведь помню ваше письмо! Очень недурно написано. Не хотите попробовать себя в журналистике? Через две ладони День воина, подготовьте статью про клуб, в котором занимались. Расскажите, как полученные там навыки помогают службе в армии, и свою историю заодно пристегните.

– Идёт! Только мне жить негде!

Наглости, которая, как известно, второе счастье, у Стано всегда хватало, и к вечеру он оказался владельцем вожаденной койки в общежитии.

Текст пришлось переделывать трижды, после чего шеф сказал: «Ну теперь можно редактировать...» и сократил вдвое, объяснив, что личная история автора не настолько интересна читателям, чтобы расписывать её на две страницы. Потом последовали новые задания, зачисление в штат и четыре года замечательной, полной приключений жизни.

Репортаж с пожара на нефтебазе, когда он катался по земле, сбивая пламя с загоревшейся одежды – после этого и купил себе кожаную куртку. Интервью с криминальным авторитетом, который его вычитывал в окружении охранников, смотревших на сидящего напротив автора,

как коты на мышонка. Целый детектив на разворот о разгроме банды наркоторговцев, промышлявших знаменитыми «червивыми» яблочками. На отдыхе в Винджуваце и то пришлось поработать – угодил в самый центр беспорядков. Казалось, горячие темы сами липли к нему, как, впрочем, и девчонки, которых он теперь водил не в общагу, а в снимаемую однушку. Даже Мирца строила пороссячи глазки, но вскоре осознала бесперспективность, возненавидела и до сих пор пытается пакостить по мелочам. Вон и сейчас, как в тот день, торчит в приёмной и смотрит, как солдат на вошь. А знай, что у него в сумке – удавилась бы от зависти.

Редактор внимательно изучил только что напечатанные кадры, где запасной игрок воздвигал ногу на мяч. Потом фото из старой газеты: уммаханские боевики позируют над телом Ндумо. Один из них, совсем мальчишка, лет четырнадцати, стоит, попирая ботинком голову президента. В одной торжествующе поднятой руке нож, в другой зажато что-то, при внимательном вглядывании напоминающее человеческое ухо.

– Да, похож... И тот высокий, что слева, тоже...

– Потому и вспомнил, что поза та же самая.

– Ты ж тогда совсем мелким был...

– Нас в школе так политинформациями грузили, что мы даже во дворе играли в джамхирский мятеж. Я ненавязчиво спросил у тренера, кто это так перед фотографиями выставляется. Он подтвердил: прилетел с Джалны, зовётся Шекари Белмахтаром, старательный, но не особо перспективный. Про второго не спрашивал, не нашлось повода, но, думаю, биография та же. Сенсация на первую полосу!

На ретивого юнца посмотрели так ласково, словно дедушка на непутёвого, но любимого внука.

– Такие вещи не в номер ставят, а в гэбуху докладывают. Печатают же только с их разрешения, да ещё ровно в тот момент, когда они сами скажут. Не кривись, такова ещё одна сторона нашей работы. Бери свои материалы и ступай сдаваться, я их сейчас извещу. И, предупреждая все твои дальнейшие выбрыки: то же самое тебе скажет редактор в любом издании. Мы не знаем, что и где натворили эти футболисты. Возможно, они в розыске, и я, знаешь ли, за недонесение сидеть не хочу, да и тебе не советую!

Возвращаться на зону, ясно дело, не хотелось, но смириться с потерей такого материала... Поэтому, получив от фотографа четыре комплекта уличающих снимков, сдав два серьёзному лейтенанту и услышав от него строжайший запрет разглашать информацию, остальные он оставил себе и, как оказалось, не зря. На следующее утро, сев на трамвай и переезжая по мосту через полноводную Дануву, рассекающую столицу республики на две части, он поневоле залюбовался сияющим золотым куполом величественного собора Святого Караджера. И услышал за спиной насмешливый голос.

– Наверное, приятно, когда тебя отпевают в такой роскоши!

Журналист обернулся: сзади стоял невысокий шатен. Худощавый, с незапоминающимся – увидеть и забыть – лицом. Серые глаза вроде равнодушные, но очень внимательные, а движения как-то по-особому плавные. Явно занимался чем-то серьёзным – подобных типов так и не вспыхнувшая звезда вольных боёв определяла сразу. Без бороды, значит, не священник Истинной Церкви. Проповедник очередной секты? Что ж, поговорим – может, и темка для заметки нарисуетя. Среди сектантов встречаются очень забавные мошенники.

– Мне как-то пофиг – я в богов не верю.

– Тогда у тебя хорошие шансы попасть на кладбище без отпевания. – Попутчик достал красно-зелёную книжечку. – Капитан Будимир Сокол, МГБ. Пошли, пройдем пару остановок.

– И чем обязан? – спросил Станомир, едва они вышли из трамвая.

– Да ничем, собственно. Спросить хотел: ты с друзьями своей находкой не делился, коллегам не хвастался? Кто у вас вообще о ней знает?

– Только шеф.

– А фотограф?

– Так я же ему ничего не говорил! Только попросил этих типов снять и газету скопировать.

– То есть главный в курсе, а фотокор, если он не полный болван, увидел, что на картинках одни и те же люди. Значит, уже двое, и каждый может проболтаться. Не зря в Хинтерланде говорят: «Знают двое, знает и свинья».

– Да что толку?! – вскипел Стано. – Кто там разберётся?!

– Учишь вас, учишь... – печально проговорил Сокол. – Потом хоронишь... и снова учишь... Включи голову и пойми: кто-то капнет, что ты связал эти две фотографии – и всё! Прихлопнут, как комара! (Сдать могут прежде всего купленные сотрудники местной госбезопасности, где капитан случайно снимки и увидел, но о том распространяться не стоит.) Помолчи немного, подумаю: что с тобой, таким красивым, делать...

Несколько минут шли в тишине. Потом капитан поднял глаза:

– Значит, так. Сегодня после короткой ночи в Светлоградово уходит «Шахтёр-2». Не ахти корыто, но уж какое есть. Я закажу тебе место. В порту свою фамилию не называй, скажешь, что билет для меня. В редакции постарайся забрать негатив фото с футболистами, а лучше всю плёнку. Вещей много не тащи. Оставь часть барахла: если кто залезет, подумает, что ты ненадолго отъехал. Соседи в квартире имеются?

– Никого. Один снимаю.

– Уже лучше. Второй выход есть?

– Через подвал, в соседний двор...

– Вот через него и смоешься.

– А как долечу, потом куда? К вашим?

Гэбист глянул с некоторым удивлением. Сейчас, когда «прогрессивные» газеты начали наперебой разоблачать преступления его конторы – естественно, при прежних правителях, – такое предложение от писателя весьма неожиданно.

– Нет, пока не надо... Дам-ка я тебе записочку к хорошему человеку. Он сам борзой и таких же безбашенных любит, споёте! А наши, коли понадобится, сами найдут.

Капитан настроил что-то на листке из блокнота.

– Вот так. Пойдёшь в газету «Рассвет», к их главному, Радое Нишич его зовут. На месте сам сориентируешься, но помни: Радое мужик опытный – плохого не посоветует. Слушайся его, может, ещё и поживёшь...

Едва появившись в «Юности», Стано натолкнулся на Мирцу, которая тут же начала орать, что начальство его уже обыскалось и на работу надо приходить вовремя, а не когда вздумается! Журналист лучезарно улыбнулся и сочувственно ответил, что отсутствие мужика в тридцать пять лет (на самом-то деле всего двадцать девять) – страшная штука. Секунду полюбовавшись красными пятнами на щеках и слезами на глазах, двинулся в редакторский кабинет.

– Мне тут звонили и строго предупредили: не допускать разглашения сведений о твоих героях! – Шеф сегодня выглядел странно. Озабоченным, каким становился при неприятностях, и в то же время особенно просветлённым, как бывало с глубокого похмелья. – Похоже, вся гэбуха стоит на ушах, и моя старая задница, которой я доверяю, чувствует, что тебе стоит сменить обстановку. Посему лети-ка в Светлоградово. Вот письмо к приятелю моему институтскому, редактору «Рассвета» Радое Нишичу. Он тебя, балбеса, если к себе не возьмёт, так пристроит куда. Покажешь ему свою сенсацию, может, и напечатает. Если кто спросит, скажу, что в отпуск уехал... И ещё...

– Не надо...

Вытащенная из ящика пачка на вид тянула на трёхмесячную зарплату.

– Бери, когда дают! – привычный сердитый голос почему-то дрогнул и почти сорвался. – Тебе же там жить где-то надо и жрать чего-то! Знаешь... тридцать лет назад у меня тоже была

одна статья, но её не поставили, я смирился и с тех пор не трепыхаюсь. Можешь считать, что деньги я даю самому себе. Тогдашнему...

Бродяге собраться – только палку выломать. Всё, что жалко оставлять в комнатухе, уместилось в небольшую дорожную сумку. Отдельно положил конверт с фотографиями героев своих публикаций. Пахан «яблочной» группировки. Маньяк, охотившийся на школьников младших классов. Проворовавшийся начальник службы снабжения Невридского флота...

Невольно остановился взглядом на очень красивой, но испуганной и растрёпанной Карин Ле Гуа. Трудно устоять перед просьбой такой женщины, и её лицо на полосе не появилось, но осталось на память. Когда-нибудь, став богатым и знаменитым, он повесит дома портреты из конверта, словно охотник головы застреленных зверей. Только вместо тигров и медведей со стены будут грустно смотреть генералы и министры.

До Светлоградово выскочивший из волчка едва ли не на противоположной стороне Вендии «Шахтёр-2» полз больше двух суток. Пассажирам пришлось выходить на рассвете, и, чтобы взбодриться, счастливый обладатель трёхмесячной зарплаты и двух рекомендательных писем к одному человеку (ничего себе совпадение – не стоворились же они?!) взял в буфете чашечку самого крепкого кофе. Заодно купил в киоске несколько газет и чуть не рухнул со стула.

Половину третьей полосы «Свободных новостей» занимала статья с фотографиями знакомого дома с опалённой дырой на месте окна на втором этаже. Читателям сообщали, что обиталище одного из ведущих корреспондентов «Юности Самватара» Станомира Белича сожжено заброшенными внутрь бутылками с зажигательной смесью, а сам он бесследно исчез. Дальше излагалась биография пропавшего, причём усиленно намекалось, что его посадили по личному распоряжению покойного вождя Народного Союза – генерала Войтеха Меткеша. Рядом с суровым генеральским лицом в зловещих чёрных очках шли рассуждения о том, какая из публикаций могла привести к столь чудовищному преступлению.

Завершался текст интервью с Гвидо Звёздным, который со скромной гордостью расписывал, какого замечательного сына воспитал, что тот совершенно точно пал от рук разоблачённых им воров в погонах, и вообще вся их семья – жертвы произвола бывшего вождя. Ведь именно его агентура расправилась с женой Звёздного, этой воистину святой женщиной! После чего безутешного мужа попытались обвинить в чудовищном преступлении, а когда не вышло, запретили издавать его стихи.

«Учишь вас, – прозвучало в голове. – Хоронишь, снова учишь...» Что ж, судьба явно бережёт его для покорения Светлоградово, а возможно, и ещё более великих свершений. Вдохновлённый столь приятной мыслью, Стано сунул газеты в сумку и пошёл искать автобусную остановку. Таксисты в небесных портах драли безбожно.

Глава 5

Столица Народного Союза и республики Вендия город Светлоградово

Пауков было много. Огромных, с крупный апельсин и размахом ног с блюдо. И поменьше – с монетки разного достоинства. Гладких и волосатых. Жёлто-серых, зеленовато-бурых и чёрных с оранжевыми полосками. На Стано они взирали с подозрением, но, поскольку находились в кабинете редактора «Рассвета» в виде чучел, агрессии не проявляли. Напасть мог разве что фиолетовый в крапинку экземпляр на руке Радо Нишича, но он только что отобедал жирной мухой и потому глядел сыто и добродушно.

С пауками журналист познакомился ещё три ладони назад, когда впервые переступил порог скромного флигеля сбоку от трёхэтажного особняка Союза писателей Вендии. Но теперь к ним прибавились чудовищных размеров клешня и загнутый хвост, которые хозяин прикрепил над столом крест-накрест. Клешня длиной не уступала человеческой руке, а хвост, пожалуй, даже ноге.

– Ничего себе... Добыть такую зверюгу! А где всё остальное?

– Что ты! – возмутился Нишич. – Мой друг никогда не причинит вреда покровителю своего рода! Всё сброшено во время линьки, можно считать, подарок. У меня для тебя тоже презент: статья про ваших футболистов выходит завтра. Гэбэ даёт добро. И... с сегодняшнего дня можешь считать себя в штате.

Стано с вождением вцепился в чёрную книжицу с алым полукругом. Если героев завтрашней статьи уже повязали и бьют, их рожи, наверное, сейчас тоже таких цветов.

– Раз дали добро, значит, их уже арестовали?

– Понятия не имею. Органы не считают необходимым посвящать меня в свои дела. Вот мне их иногда в свои приходится...

На самом деле Радо не счёл нужным рассказывать новому сотруднику о разговоре с залетевшим вчера Соколом. Потому Белич так и не узнал, что его визит в госбезопасность и последующее покушение позволили капитану вплотную заняться «Невридауглем». Ведь, по легенде, Будимир служил в управлении по борьбе с наркотиками, а что могли творить на Невриде подозрительные личности с Джалны, известной своей наркоторговлей?

Увы, бывшие боевики к тому времени уже исчезли. На все вопросы руководство клуба только плечами пожимало: сбежали, паразиты! У нас ведь футбольная команда, а не оборонное ведомство, мы проверки боевого прошлого не устраиваем, да и нет у нас таких возможностей. Зато у выехавшей в Самватар спецбригады возможностей оказалось хоть отбавляй, и уже первые оперативные мероприятия обещали интереснейшее продолжение.

Предчувствие не обмануло – это его город! С первого же дня тут всё шло, как в сказке. Собиратель сушёных пауков саркастически заметил, что сгоревший труп с двумя рекомендациями у него ещё не работал, но взял «покойника» на испытательный срок. И немедленно выдал первое задание: сходить на митинг, который местные хонорцы проводили в защиту изгоняемого из партии экс-министра судостроения Белояна, и расписать пришедших на него полными уродами.

Новый автор «Рассвета» сделал именно так, только гораздо больше. Прошёлся по внешности митингующих. Прочитировал все оскорбительные выкрики в адрес вендов (оккупанты, пьянь и быдло), джалнутов (дикари черномазые и макаки блохастые) и альрамеев (ворюги, кровопийцы и вообще Экзепра жерновом прикандючили!). Добавил якобы услышанную, а на самом деле собственноручно сочинённую беседу участников о полученных ими за выход деньгах. Разумеется, из бюджета предприятий, которыми управляют белояновские родственники.

Сфотографировал компанию охраняющих митинг крепких ребят с бело-красными повязками. Отметил, что акция проходит под официальным зелёно-бело-красным флагом Хонорской Народной республики, а белый и красный без зелёного – геральдические цвета Хонора до потери независимости. То есть налицо явный намёк на желание отделиться от Народного Союза.

Подслушав разговор охранников, узнал: по крайней мере, двое из них занимаются в спортклубе «Сирена». Пояснил, что давнее название клубу существо женского пола (оно же старинный, ещё доэкзапристский символ Хонора) воистину прекрасно. Крылья летучей мыши, перепончатые гусиные лапы и змеиный хвост, да ещё и в сочетании с мечом в правой руке и щитом в левой! Никакой мужик не устоит!

Особо удачно вышло развести благообразного старичка, представленного другом отца товарища Белояна – «выдающегося учёного и патриота, которого завистники затравили и довели до самоубийства». Журналист вцепился в добычу, как клещ, и высосал из неё рассказ о том, как Белоян-старший нашёл рукопись о великой победе хонорцев над джалнутами в битве у города Оламца. Захватчиков порубили в таком количестве, что поле брани с той поры прозвали Гробовым. Враги с позором удрали, и белые народы, обитающие на спутниках Экзепра, были спасены от порабощения.

Предположив, что его дурят, Стано через Нишича в тот же день вышел на декана исторического факультета Светлоградского университета и убедился: таки да! Летопись с рассказом про Оламецкое побоище в самом деле имела. Только все ведущие историки как Союза, так и Лиги уже не первое столетие упоминали её исключительно как хрестоматийный образец фальсификации исторических документов. Причем исполненный чрезвычайно топорно.

Якобы убитый хонорцами предводитель орды, согласно другим манускриптам, благополучно правил ещё много лет. На старинном пергаменте обнаружили следы смытого текста. Хинтерландскую же лазурь, которой жулики украсили заглавные буквы, начали производить лишь много веков спустя после окончания войн с Джалной...

Ну и Белояна-старшего никто в гроб не вгонял. Даже звания доктора наук не лишили, хотя следовало бы за столь наглую подтасовку. Умер прохвост совершенно естественным образом – не злоупотреблял бы виньячишжом, может и сейчас бы скрипел.

Реплика декана отлично встала в текст вместе с авторским комментарием, что коли папаша был таким жуликом, то и сынуля наверняка в него уродился! Значит и вправду народные деньги тырил в компании зятя и шурина!

Прочитав текст, слегка поправив его и снисходительно одоблив, Нишич мысленно пришёл в восторг. Наложить столь могучую навозную кучу из паршивого митинга в полторы сотни рыл! Дальше пошло ещё веселее: статью «Мертвяки с Гробового поля» перепечатали сразу несколько газет, в том числе главный орган Народно-Революционной партии Хонора. А на следующий день стёкла его редакции разнесли вдребезги. В отличие от Светлограда в хонорской столице Велико-Варстово на улицу в защиту Белояна вышли десятки тысяч человек.

Белич не шёл по улице, а летел. Купленные с первого гонорара модные ботинки с заклёпками и длинными носами разбрызгивали лужицы, оставленные дневным дождём. Он даже не задумывался, куда несётся, но чуял – новое приключение совсем близко.

Рядом взвизгнули тормоза, остановился ярко-алый сверкающий автомобиль.

– Стано! – окликнул его водитель в приоткрывшуюся дверцу. – Ты как здесь?

Они познакомились пару лет назад на съезде ревсомола в Самватаре и традиционно завершающей его пьянке. Ганчо готовился защищать диплом экономиста, стажировался на Невриде и, хотя приходился сыном заместителю министра торговли Вендии, парнем оказался не чванливым и душевным. Особенно он симпатизировал чёрным девочкам. Опытный Стано с удовольствием водил нового приятеля по значным местам, а тот, естественно, платил за обоих.

Отбыв практику, столичный гость вернулся в Светлоградovo, но, похоже, не прочь возобновить общение. Очень кстати...

– Я сперва чоботы твои разглядел, уж больно хорошо заклепки на свету играют. Гляжу, а в чоботах – ты! Столицу покорять приехал?

– Вроде того, – неопределённо пояснил Станомир, стараясь придать своему голосу солидные и в то же время загадочные интонации. – Предложили кое-что интересное...

– Га-а-анчо... – капризно протянул голосок с заднего сиденья, – ты надолго языком завяз? Ждут ведь...

– А знаешь что?! – оживился тот: – Давай с нами! Повеселимся, с людьми полезными познакомлю. Садись...

– Ты, значит, Стано, – пухленькая симпатичная брюнетка с интересом оглядела фигуру журналиста. – А я Рина. Рина Белоян, – произнесла она со значением. – Так что, если не боишься, то поехали.

– А почему я должен бояться? – удивился Стано, плюхаясь рядом. Через мгновение понял, с кем разговаривает, и мысленно поблагодарил Нишича. Тот настоял, чтобы новый автор, пока не вышла статья про кровавых футболистов, печатался под псевдонимом – пусть пока считают его мёртвым или скрывающимся неизвестно где. Значит, толстушка не знает, кто с ней рядом и, по крайней мере, в физиономию не вцепится!

– Ринка, не докапывайся до человека, – недовольно обронил Ганчо. – Он с Невриды, ему до ваших семейных интриг, как до Экзепа пешком.

Девушка обиженно замолчала, однако украдкой бросала на соседа очень выразительные взгляды, которые тот успешно игнорировал: девок везде много, а такие полезные знакомые, как ринин ухажёр, на дороге не валяются. Нужно быть законченным придурком, чтобы ссориться с ним из-за первой встречной юбчонки! Тем более папаша носительницы этой юбчонки только что слетел с должности. В отличие от отца её парня, который сидит крепко и сынулика балует. Ишь на какой тачке рассекает!

В уютном заднем зале ресторана «Зарница» накурено – не продохнуть. Обставлено всё по последней моде: вместо стульев диваны, кресла и подушки на широких подоконниках, повсюду низкие столики на колесиках, сбоку – длинный стол, уставленный бутылками и закусками. Из лакированной дорожки и дефицитнейшей автоматической радиолы ревет джаз. Автомат со стуком менял пластинки – одну круче другой: Darlango, Noffil Brazo, Klaistow... Самые наимоднейшие группы! Как и девичьи прикиды.

У Риной под плащом оказалось чёрное шёлковое платье хорошо так выше колена, глубокий вырез затянут сеточкой – в сочетании с молочно-белой кожей девушки смотрится неотразимо! У остальных узорные ткани, вышивка и даже перья и стразы присутствуют в большом количестве, а максимальная длина юбок – чуть ниже колен. Ну и туфли на высоченных шпильках, конечно. Однако! Стано сперва представил себе, каково в таких нарядах на улице, потом сообразил, что улица для барышень ограничивалась десятком метров от машины до двери ресторана.

Такие полу-банкеты, полу-фуршеты в стиле загнивающей, но соблазнительно ароматной Лиги, «Юность Самватара» обличала регулярно. Правда, фамилий не называла, во избежание неприятностей с родителями гуляющих. Хотя у тех по сравнению с предками тутошней компании и труба пониже, и дым пожиже. Да и сама вечеринка... Это не какие-то нищелюбы, хватающие обрывки зарубежной моды с одного засаленного журнала на всех. Здешние ребята явно очень хорошо знали и понимали тонкости «джазового» стиля, считавшегося в Лиге элитарным. Хотя, судя по наклейкам на пустых бутылках, венские виньяки и ракии тоже уважали!

Ганчо встретили взрывом приветствий и криками: «Штрафную! Догоняй!» На Стано никто не обратил внимания, он взял бокал вина с парой тартелеток и присел на крайний диван-

чик. Рядом тут же материализовалась Рина, он отметил это боковым зрением, вылавливая из потока болтовни о пьянках, танцульках и перепихонах обрывки интересных разговоров:

– ...Получу диплом, и папахи железно обещал пристроить в посольство в Хинтерланде. Тогда тебе шмоток пришло, навар пополам...

– ...Смешнее всего, что наше тряпье не хуже бывает. Мы проверили: закупили партию отечественных штанов, нашили эмблему Löbstress – впятеро дороже влёт толкнули! Золотое дно!

– ...Директор радио говорит: это чуждая народной молодёжи музыка! А я ему: как чуждая?! Барабаны – это же пафос строительства нового мира! А баритон-саксофон – музыка борьбы трудового народа! Прикинь, старый дурак поверил! Хотя реально оно звучит, как ария влюблённого носорога!

– ...Я тебе отвечаю: иностранные языки теперь первое дело!

– ...Вот и считай: деревянные куклы в виде деревенской девки с косой в красном сарафане реально стоят шесть донеров штучка, а туристы берут за полтинник! Раньше продавать их запрещали, приходилось сдавать в магазины по твёрдой цене, а теперь красота: свои ларьки открыли, чистая прибыль почти тридцатка!

Упругое горячее бедро Рины прижималось всё теснее. Ганчо заметил, усмехнулся и подмигнул: «Не теряйся!» О, как! Похоже, он не прочь сплавить на сторону дочку опального Белояна. Ну что ж, мы парни не привередливые, нам всякий гриб в корзинку.

– У нас новая модель нарасхват идёт, – вклинилась в общий разговор высокая ухоженная шатенка с короткой стрижкой «шапон». – В Лютеции сейчас асимметричные платья носят. С одной стороны по коленные чашечки, а с другой...

– По блюдечки! – заржал, сражённый собственным остроумием, развязный тощий тип в жёлто-коричневом клетчатом пиджаке и оранжевом галстуке со сбитым набок затейливым узлом. Он делил одно кресло с рыженькой курносой красоткой, одетой, в отличие от других, в обтягивающие лиловые брючки и почти прозрачную блузку. Видно было, что набрался остряк уже основательно, девчонку тискал со знанием дела, как своё имущество, однако та терпела, хотя украдкой и морщилась. Странно: по повадкам явно из их круга, а не прихваченная на вечер шлюшка. Значит, либо парень уж очень высокого полета, даже по меркам сборища, либо с подружкой что-то не так.

– Мирко Зленовац, – шёпотом пояснила Рина, перехватив взгляд журналиста. – Сын секретаря Вендии по идеологии и редкая скотина!

– А она?

Хонорка хихикнула и с явным удовольствием рассказала, что дедушка рыжюльки двадцать лет редактировал главную военную газету «Партизан», попался на махинациях и вылетел на пенсию. Зита осталась без денег – родители люди небогатые, научные сотрудники какие-то... Хорошо, Зленовац подобрал. Конечно, спать с такой пьянью и хамом противно. Зато с собой на гулянки таскает и покупает, чего она хочет!

– ...Куклы – ерунда! – вмешался в деловую беседу соседей Мирослав. – Мы с ребятами открыли при горкоме ревсомола музыкальный кооператив. Аппаратуру горком подогнал по остаточной стоимости, как бы списанную. Теперь находим музыкантов, делаем записи, продаём фабрикам грампластинок, берём их продукцию почти по себестоимости и толкаем через свои магазины. Приходится, конечно, директорам фабрик долю выделять, но оно того стоит. Короче, через пару месяцев всех приглашаю на новоселье: особнячок получился – конфетка!

– Ментов тоже приходится подмазывать? – заинтересовался волосатый очкарик с радио. Мирко пренебрежительно отмахнулся: – Перебьются! Потому что ревсомол, молодёжная инициатива и всё такое! Сам товарищ Грдамич постоянно призывает развязать молодым руки, и у нас его слова в вестибюле висят. Отлично, кстати, работает!

– Ты у меня такой деловой... – замурыкала подруга. – Скоро миллионером станешь...

– Зитка, он у тебя теперь вместо дедушки? – подколола любительница асимметричных платьев.

Зита поморщилась, но стерпела. И тут явно перебравшая Рина внезапно крикнула на весь зал:

– Так тебя что, ещё и дедушка трахал?

Рыжая не осталась в долгу.

– Молчала бы уж! Твоего папашу скоро посадят, и будет наша Риночка ходить в платьицах фабрики «Народная»!

– Это твоего дедулю попёрли, и никто не вступился, никому старый хрен не нужен. А за моего папку весь Хонор поднялся! А ты, если бы к Мирко не пристроилась, на вокзале за трёшник давала!

– Ты чё сказала, коза драная?!!

– Девочки, не ссорьтесь, – перехватил кинувшуюся в бой Зиту кто-то из парней. – Вы нам без синяков нужны. Мирко, да успокой же свою кралю, она сейчас посуду бить начнёт! Оно тебе надо?!

– Ну-ка, села! Быстро! – рявкнул Зленовац-младший, дернув возлюбленную за край блузки. Девица плюхнулась ему на колени и вдруг пьяненько разревелась, уткнувшись кавалеру в плечо. Тот даже растерялся:

– Ну что ты... – и тут же оттолкнул: – Да не липни, пиджак помадой измажешь!

– Уроды в погонах! Все! Я твою мачеху вчера видела. Она в дедушкином доме живет, ходит с колясочкой, вся такая из себя... Я ей: «Привет!» – а она так кивнула, словно королева!

Рина захихикала совсем уж неудержимо.

– Я её как-то видела – кра-а-асивая! Зитке до неё, как пешком до Экзепра. Вот Мирко и бесится.

И в самом деле, лицо Зленоваца-младшего передёрнулось так, словно он зажевал лимон.

– Королева... солдатского сортира. В гарнизоне росла, если бы не папа, сейчас бы какому-нибудь капитанишке трусы штопала. А теперь нос дерёт... Сучка!

– Это из-за них всё! – Зиту несло неостановимо. – С них началось, а они выкрутились. Её папаша ходит, погонями сверкает, как же – суд выиграл! Боров вонючий! А моего дедунечку-у...

И снова разрыдалась. Глаза Мирко зло блеснули.

– Что-то мы засиделись... Может, промнёмся? Устроим Доневичу свинский концерт! Это тебя утешит? – обратился он к Зите.

Журналист с удивлением взглянул на приятеля – истории со свиньями он не знал. Тот рассказал в двух словах и объяснил, что туда не поедет.

– Развлечение для дебилов! Поехали домой, Ринка! Стано, давай с нами, у меня ещё выпить есть и музон хороший. Ну их всех к бесам!

– Как хочешь, а я со всеми! – презрительно фыркнула министерская дочка. – Мне интересно, что там будет! Вернусь, расскажу! Машину дашь?

– Не дам! Ты уквалаась уже – в первый столб влетишь!

– Да я трезвая совсем!

– Дай мне ключи, – вмешался Станомир. – Я и за машиной, и за ней присмотрю.

Он нутром чуял, что поехать стоит, и как раз думал, к кому бы пристроиться, а тут такой подарок судьбы!

В ещё не закрывшемся театральном магазине купили поросёньи маски и с визгом и хохотом вывалились из машин в тихом приличном дворе. Прихваченные из «Зарницы» музыканты завели детскую песенку-дразилку:

Свинка-дочь и свинка-мама

По дорожке ходят прямо.

Свинка-братец в огороде
Роет землю на свободе.
Свинка-папа пиво пьёт,
У него большой живот!

В домах стали зажигаться окна. Из одного крикнули: «Хватит безобразничать!» Ответом стали метко брошенная бутылка, звон стекла и издевательский хохот. Затем стеклотара полетела в другие квартиры. Рина восторженно заулюлюкала, но бывалый журналист потянул её в тень высокого клёна и оказался прав. Дверь подъезда, перед которым хрюкало светлое будущее Вендии, распахнулась, и оттуда вылетел человек.

– Ура! Доневиц! – Рина аж подпрыгнула от восторга. – Щас пойдёт потеха!

– Только не та, что ты думаешь. – Стано отступил ещё дальше за деревья, где угадывалась соседняя дорожка. Он как-то сразу понял, что ребята не с теми связались, и не ошибся.

Адмирал сделал вылазку не один. Журналист присвистнул, оценив габариты выскочившего следом мужика, напоминавшего крупную гориллу. Третий, помоложе, как и адмирал, раскручивал над головой флотский ремень, гориллоподобный орудовал кулаками. Атаку поддерживала артиллерия: из окна второго этажа на оркестр и столпившихся рядом девиц вылилось ведро воды, да так метко, что ни единой капли не пропало. Похоже, опрокинувшая ведро женщина проделывала такое многократно, и её поддерживали. Брошенная из соседней квартиры картофелина со снайперской точностью влетела в лоб саксофониста.

Битва заняла не больше трёх минут. Едва от проспекта послышалась милицейская сирена, военные организованно отступили к месту постоянной дислокации, оставив всю компанию в разной степени вымоченности и побитости. Зато навстречу стражам порядка из дома высыпались другие жильцы и стали наперебой жаловаться на хулиганов. Стано расстегнул куртку и прижал Рину к себе – как оказалось, вовремя.

– Молодые люди, – послышалось сзади, – не желаете присоединиться к друзьям?

– Каким друзьям?! – репортёр выглядел прямо-таки воплощением оскорблённой невинности. – Я девушку провожал, а тут такое... Мы и решили подождать, не соваться...

Он был практически трезв, вёл себя спокойно, а у Рины хватило ума молчать, и милиционер махнул рукой – идите, мол... Они и пошли – к машине, которую Белич предусмотрительно припарковал в стороне от остальных.

Уже заведя мотор, Стано сказал:

– Твоему отцу неприятности сейчас не нужны. Так что сваливаем, и ты о сегодняшнем вечере молчишь. Тебя тут не было. Поняла?

– А тебя? – спросила как-то сразу протрезвевшая девушка.

– А я, – мечтательно улыбнулся её случайный кавалер, – другое дело!

Завидуя богатенькому отродью начальства, он ненавидел его со всей страстью дворового мальчишки из рабочего квартала. И, получив шанс наконец дать ненависти выход, не собирався его упускать.

До редакции добрался к обеду. Сперва пришлось всё расписывать в красках Ганчо, потом провожать Рину до её квартирки и, деликатно говоря, попить там чайку. Несколько раз. В отделение торопиться не стал, менты, увидев, кого задержали, вызовут начальство. И оно, узрев вынюхивающего журналюгу, запросто велит его самого в камеру запихать. Приехал под утро, когда большие погоны свалили, задержанных уже отпустили, а в отделении скучал дежурный лейтенант. Заворожённый напором Стано и удостоверением «Рассвета», а также от большой любви к попавшимся сынулькам и дочуркам, он показал все бумаги и вышел из кабинета. Ненадолго – но времени сфотографировать компромат хватило.

Нишич встретил насмешливым взглядом:

– Хорошо вчера время провёл? О протоколе не забыл? Если забыл, беги, пока не изъяли.

Стано продемонстрировал начальству фотоаппарат и лишь потом удивился:

– Откуда вы знаете?

– Да так, моему паучку родственник восьминогий нашептал, а он мне... С жильцами пообщался?

– Обижаете! Сразу из ментовки к ним побежал! Бабульки там разговорчивые. Только с Доневицами не срослось, послали из-за двери.

– Зайди к вечеру, постараюсь, чтобы они тебя приняли. И скажу, кого ещё навестить...

Имя паучка-осведомителя Стано спрашивать не стал, полагая, что тот перебирает ножками в одном из кабинетов госбезопасности. Так оно и было, но в сам кабинет информацию принёс начинающий чиновник управления торговли городской администрации Светлоградово Ганчо Стрезов. Выучившись по требованию родителей на экономиста, Ганчо мечтал о разведке, завербовался в органы, и разработка Рины Белоян стала его первым серьёзным заданием. Кроме того, надлежало постараться скомпрометировать дочь опального министра – и вот он, шанс! Попадись прелестная толстушка в милицию как участница пьяного свинства, лучше не придумаешь.

Однако будущего разведчика не оставляла мысль, что так вести себя с девушкой, с которой спишь, подло. Даже если её отец позволяет наживаться на заказах своим родственникам и, возможно, работает на орлеанского судостроительного магната Ниархоса. Зато теперь его совесть чиста: он никак не мог помешать Станомииру спасти дурёху от скандала.

Хороший секретарь – он вроде барометра. Боривой Доневиц, будучи мальчиком, никак не мог понять, как прибор, висящий в комнате, показывает погоду снаружи. И никто в штабе небесного флота не мог понять, как секретарша командующего чувствует его настроение, находясь в приёмной. Сорок лет прослужила в штабе, из них больше двадцати просидела перед кабинетом командующего. Но такой адмирал её ещё не видел.

Женщина разбирала содержимое ящиков своего стола, безжалостно выбрасывая большую часть в корзину. На вопрос: что, собственно, произошло, лишь всхлипнула, прижала к лицу платочек и кивнула на дверь, а сама отвернулась к окну, стала протирать листочки и без того ухоженного фикуса. Доневиц помедлил и толкнул дверь.

В кабинете командующего тоже было что-то не так. Вроде бы те же картины на стенах, те же модели кораблей... но на столе царил непривычный порядок, лишь стояла бутылка тридцатилетнего виньяка «для особых случаев» и несколько рюмок. Увидев, кто вошёл, сутулый старик с редкими волосками на облысевшей голове и выцветшими глазами взял бутылку и две рюмки и переместился за маленький столик в углу.

– Ну, рассказывай, что ты там вчера учудил...

– Так ты ж всё знаешь... – главно и его зам, когда никто не видел, уже давно были на «ты».

– А всё же поведай...

Пришлось рассказывать. Как сидели с генералом Лабутицем, женой и сыном, толковали за жизнь, уже собирались спать, когда за окном раздался шум и «свинская» песенка. Дальше адмирал помнил только, как схватил ремень и кинулся на улицу.

– Девчонок хоть не зацепили? – устало поинтересовался командующий.

– Нет, их Рада из окна водой окатила.

– Сынка Зленоваца-то кто из вас порол?

– Так это Мирослав был? То-то визг показался знакомым, хотя рожу в темноте не разобрал! Получается, я его по-родственному воспитывал? Вуко держал, а я спустил штаны и влепил десяток по голой заднице. Чтобы помнил! Других не успели, разбежались...

– Ну, ладно... Только я тебя не за тем позвал. Ты ведь понимаешь, что соглашение с Лигой предполагает и сокращения, так сказать, в рядах...

– Так тебя сокращают?

– Сокращают, но мне уже и пора на покой, – старый адмирал пожевал губами, словно вспоминая долгую службу, за которую он так и не сделал ни единого выстрела по врагу. – Пятьдесят два года в рядах, у меня ещё Бортич присягу принимал. А вот о тебе решение приняли сегодня утром. Твой вчерашний дебош послужил последней каплей. Пороть сына республиканского секретаря по идеологии, хотя тот тебе и зять... Нашему руководству Зленовац, само собой, ни на что не сдался, но ты стал слишком уж одиозной фигурой со своими судами и драками. Да и речь на «Победе» о некомпетентном вмешательстве политиков в военные дела... Её ещё тогда донесли до самого верха с комментарием, что имелся в виду не только Хрноевич.

Тем более его сейчас, по слухам, реабилитировать собираются. И человек, который лично арестовывал лысого хряка, поневоле оказывается на очень плохом счету. Так что прости, Боровой... но прочитай и распишись. Всё обставят достойно: с благодарностями, пенсией и правом ношения мундира, а вот потом...

Прямо за арест Хрноевича, конечно, не спросят – ты выполнял приказ, зато прицепить хищения по линии Спецпрокуратуры собираются всерьёз. По моим данным, следственная группа уже сформирована. Посоветовал бы тебе сменить страну обитания, однако не стану. Хотя сейчас с этим проще, но только не для причастных к военным тайнам. Поэтому просто будь начеку...

Адмирал шёл от командующего, как оглушённый, ловя на себе сочувственные взгляды. То ли знают, то ли на лице написано... Жизнь без неба он не мыслил, а теперь суд, позор, может быть, тюрьма?... Внезапно воздух потемнел, мрамор лестницы стал чётким до малейших прожилок, а потом повернулся и кинулся в лицо. Падения он уже не почувствовал.

– К Доневицам идти не надо, – сказал угрюмый Радо. – Там сейчас не до тебя.

Причиной смерти адмирала объявили сердечный приступ и, строго говоря, даже не соврали. Про увольнение решили не упоминать, благо приказ не успели провести по министерству. Но кому надо – знали.

– За травлей адмирала, да и не только его, стоял горком ревсомола, – продолжил редактор. – Пойдёшь к даме, которая проживает в двух кварталах от покойного. Сумеешь найти к ней подход – а ты сумеешь, – расскажет много интересного.

...Зная, что направляется к женщине, Стано прихватил коробку лучших конфет, какие только были в магазине. Впрочем, конфеты и у самой хозяйки имелись, а ещё вино и очень вкусные крохотные пирожные. Хотя круглой дамочке лет пятидесяти с хвостиком хватило и самого Стано. Женщины пенсионного и предпенсионного возраста традиционно были от него без ума. Даже если ещё недавно возглавляли Ревсомол всего Народного Союза.

Когда журналист упомянул, что раньше подобного свинства он не замечал, но лет пять назад (как раз после отставки собеседницы, с чьей биографией он, естественно, ознакомился) парни и девки словно с цепи сорвались – дальше оставалось только слушать.

– Конечно же, при мне такого безобразия не было! – вдохновенно вещала товарищ Лиляна. – Тогда молодёжь не нарушала покой тружеников и не устраивала эти безобразные пьянки. Молодые люди думали о будущем жизненном пути, а не о хулиганстве!

Стано сочувственно кивал, делая вид, что и знать не знает, почему собеседницу ещё в институте прозвали «Лиляна – два стакана». Он чувствовал, что скоро дойдёт до дела, и не ошибся. Опытная чиновница разъяснила всё досконально.

Торжественно объявленная борьба с коррупцией и бюрократией – не стихийный протест возмущённой молодёжи, а хорошо организованная кампания. За ней стоят определенные силы в Центральном Комитете Народно-Революционной партии. Конкретно? Ревсомол курирует секретарь по идеологии Богуслав Яншич.

Когда он появился на этом посту, то потребовал подобных услуг от неё, но она отказалась. Теперь во главе организации ставленники Яншича, а горкому они просто спускают указа-

ния, кого травить. Тут женщина как-то особенно постно потупила глазки, и стало ясно – врёт. Сoglасилась бы с радостью, да слетела с должности раньше.

– Вы же понимаете, что я не смогу такое опубликовать, ссылаясь на анонимный источник, – печально вздохнул журналист, когда собеседница на секунду замолчала. – Но если есть доказательства хотя бы того, что горком организовывал травлю Доневи́ча... Адмирал ведь умер, сейчас самое время ударить по этим негодям! Ну хоть какие-то... Может быть, вы подскажете, где их можно найти?

Женщина задумалась, закусила губу, но затем решительно тряхнула седеющими кудряшками и придвинула к себе телефон.

– Добрый вечер... Узнала? Да, миленькая, это я... Как там у тебя? Внучка поправилась?

Стоически выдержав четверть часа бабской болтовни, Белич получил свою награду. Как бы ни перетряхивались партийные и правительственные конторы, технические отделы всегда оставались на своих местах. В том числе и бухгалтерия, в которой работали такие же пожилые тётеньки, как и его собеседница. Утром следующего дня журналист вручил очередную коробку конфет и стал счастливым обладателем фотокопии накладных на приобретение поросячьих масок, а также оплату работы некоего художника.

– Это тот, кто вам нужен, – шепнула пожилая бухгалтерша. – Задайте им всем как следует! Сделали из ревсомола притон!

Сбор компромата завершился визитом к живописцу, который кропал пресловутые картинки со свинками. Взятая по наитию бутылка креплёного вина оказалась исключительно в тему. Мастер кисти, в отличие от папаши Стано, оказался худым и бородатым, но столь же непросыхающим, да и вещал точно так же. Пришлось час с лишним выслушивать, как художник такого таланта и образования, непризнанный и непонятый, вынужден за гроши малевать всякую гнусь, и даже имени своего не может под ней поставить! Перед уходом гостя захмелевший творец, не подозревая, что с ним говорит не потенциальный заказчик, а коварный журналиста, презентовал гостю пару листовок со своими творениями и автографом.

Статья «Свиньи на охоте» появилась аккуратно через два дня после того, как во всех официозных газетах вышел некролог адмирала Доневи́ча. Получилось, что сперва читателей разогрели рассказами о том, какого воина и патриота потеряла страна, а сразу после показали мерзкие образы его убийц. С именами и фамилиями – только Мирко Зленоваца Нишич собственноручно вычеркнул и объяснять причину не стал. Впрочем, автор не протестовал – оставшегося хватило с лихвой. Материал выстрелил куда сильнее, чем прошлый текст о кровавых футболистах. Вожака Светлоградского комитета Ревсомола даже сняли с должности, и он успешно приземлился в кресле директора одной из созданных им же фирм. Преемник оказался столь же тухлым, но Стано это не волновало: не прошло и месяца, а он уже среди известнейших журналистов столицы!

С мстительным удовольствием рассказывала Лада брату и любовнику о том, что творилось накануне в квартире Зленоваца. Она и предположить не могла, что её обычно сдержанный муж способен так орать. Даже не пришлось выходить из комнаты, где кормила Златко – супружеский рёв проходил через две закрытые двери: из кабинета в коридор и из коридора в детскую.

– Ты едва не опозорил меня на всю страну! Мерзавец! Не уברי Нишич тебя из статьи, я мог должности лишиться, вслед за твоим дружкой из горкома! И куда бы ты потом делся?! Твой сраный бизнес существует только потому, что ты мой сын! И, поскольку теперь не единственный, моё терпение кончилось! Ещё хоть раз меня подставишь – лично добьюсь: все ваши гадюшники прикроют, и катись куда хочешь! Хоть на завод, хоть дерьмо собачье с улиц подметать!

...Неслышно подошла разом состарившаяся на двадцать лет Радмила. Присела рядом, взяла на руки внука, покачала и спросила сына:

– Окончательно всё решил?

– Да, мама! И рапорт об отставке уже подал. Флот, неспособный защитить своих людей, не стоит того, чтобы на нём служить. Не желаю, чтобы меня, как отца, сперва использовали, а потом опозорили и вышвырнули.

– И чем заниматься будешь? – спросила Лада.

– Найду. А ты, Войко?

– Остаюсь. Перед отлётом я представил проект усовершенствования управления огнём тяжёлого крейсера, названного в честь прадеда Велько. Там... Ладно, сейчас это неважно – главное, адмирал добился, что корабль достроили именно так, как мы с капитан-лейтенантом Гробичем предложили. Он сказал, что мы обязаны проверить его в бою, и я не могу предать его надежду. Да и свою тоже.

Впрочем, пока перспективы не радовали. После возвращения с Радуги «Тавалогу» списали на слом, а Воислава, хоть и повысили до кап-два, но командиром даже захудалого миноносца не поставили. Загнали в штаб помощником начальника отдела боевой подготовки. Даже без чётких обязанностей: приходишь утром на работу, едешь за бумажками, оформляешь отчёты, сидишь на заседаниях, где все уныло жалуются друг другу, что снарядов, летучки и топлива для учений выдают мало, и какая уж тут подготовка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.